

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНОЙ, СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

В. И. Спирина

М. Л. Спирина

А. В. Сушков

**ИСТОКИ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НА КУБАНИ**

Учебно-методическое пособие

Армавир
АГПУ
2021

УДК 37.013.42 (470.62)
ББК 74.66 (2Р37)
И 89

Печатается по решению
учебно-методического совета АГПУ,
протокол № 3 от 24.12.2021 г.

Рецензенты:

М.Б. Богус – доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и педагогических технологий
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» (г. Майкоп)

М.Н. Егизарьянц – кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социальной, специальной педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

И 89 Спирина, В. И.

Истоки социально-педагогической работы на Кубани : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина, А. В. Сушков. – Армавир : РИО АГПУ, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-89971-867-0

В учебно-методическом пособии рассматривается процесс становления социально-педагогической работы в одном из ключевых регионов России. Структура и тематика работы позволяют связать общероссийские тенденции поддержки нуждающихся с развитием этого феномена в Краснодарском крае. Представлены региональные особенности опыта социальной помощи, проанализированы возможности его применения в современных условиях.

Учебно-методическое пособие предназначено студентам, магистрантам, аспирантам высших учебных заведений, а также всем интересующимся историей социально-педагогической работы.

УДК 37.013.42 (470.62)
ББК 74.66 (2Р37)

ISBN 978-5-89971-867-0

© Спирина В.И., Спирина М.Л., Сушков А.В., 2021
© Оформление. ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический университет», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ	5
Тема 1 Теоретико-методологические основы изучения истории социально-педагогической работы	5
Тема 2 Особенности изучения истории социально-педагогической работы в отдельных российских регионах	12
ГЛАВА II ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА КУБАНИ	21
Тема 3 Традиционные формы социальной поддержки и социального воспитания на Кубани	21
Тема 4 К.В. Россинский – просветитель и организатор социальной помощи в Черномории	35
Тема 5 В.И. Лунин – просветитель и организатор образовательных и культурно-просветительских учреждений в г. Армавире в конце XIX – начале XX вв.	44
ГЛАВА III НОВАТОРСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ НА КУБАНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	52
Тема 6 Инновационные формы и методы социально-педагогической работы	52
Тема 7 Социальное воспитание как форма профилактической социально-педагогической работы на Кубани в конце XIX – начале XX вв.	63
ГЛАВА IV ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА КУБАНИ	73
Тема 8 Возможности применения опыта социально-педагогической работы на Кубани в современных условиях	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
ЛИТЕРАТУРА	82

ВВЕДЕНИЕ

С начала 90-х гг. XX века в России резко увеличилось число лиц, нуждающихся в самых различных видах поддержки со стороны государства и общества: безработных, сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, мигрантов, пострадавших от межэтнических столкновений и т. д. Резко увеличилось число наркозависимых. Причин тому достаточно много, главная из них – деидеологизация состояния общества в обозначенный временной период. Отказ от идеологии прошлого привёл к распаду «связи времён», потере чувства сопричастности к истории отечества. В средствах массовой информации велась разрушительная антидуховная пропаганда, что представляло угрозу для нравственного здоровья подрастающего поколения. В подобной ситуации Россия еще не имела собственного опыта социально-педагогической работы, а богатый дореволюционный опыт подобной деятельности к этому времени не был изучен. По этой причине первые исследователи теории и практики социально-педагогической работы обратились к зарубежному опыту. Весьма характерным для этого времени оказались высказывания: «... мы, находясь на Востоке, ищем истину на Западе. Зарубежные коллеги предоставляют нам методики и техники подготовки специалистов, помогают разобраться со многими социальными болезнями...» [1, с. 4].

В начале XX века положение дел изменилось: стали выходить книги по истории социальной работы и социальной педагогике (И.Н. Андреева, Л.В. Бадя, В.Н. Егошина, Л.В. Мардахаев, А.В. Мудрик, А.С. Сорвина, М.В. Фирсов, Е.И. Холостова и др.). Все это позволило в подготовке первых социальных работников и социальных педагогов применять не только западные парадигмы социально-педагогической работы, но и оценивать возможности применения элементов отечественного исторического опыта социального воспитания и поддержки нуждающихся с учетом ментальности и традиций отдельных регионов.

Постепенно интерес к западным формам социально-педагогической работы снизился, поскольку они входили в противоречие с российской реальностью. Социально-педагогическая работа стала все больше отражать в своем содержании специфику не только нашей страны, в которой она реализовалась, но и особенности ее развития» [3, с. 10].

Изучение опыта (как позитивного, так и негативного) социального воспитания и помощи нуждающимся в социальной помощи позволяет не только проследить пути развития многообразных видов социально-педагогической поддержки, но и оценить возможность применения их (после соответствующей адаптации) в профессиональной деятельности современных социальных работников и социальных педагогов.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Тема 1 Теоретико-методологические основы изучения истории социально-педагогической работы

План

1. Основные понятия: «социальная работа», «социально-педагогическая работа», «социальный работник», «социальный педагог».
2. Основные методологические подходы к изучению социально-педагогической работы и их характеристика.

Литература

1. Басов, Н. Ф. История социальной работы : практикум / Н. Ф. Басов. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. 337 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие / В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.
4. Холостова, Е. И. История социальной работы: учебное пособие для академического бакалавриата / Е. И. Холостова. М. : Издательство Юрайт, 2019. 137 с. [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/433658> (дата обращения: 31.07.2021).

Общеизвестно, что без осознания важнейших понятий науки для человека эта наука будет сильно искажена или не будет существовать вовсе. «Границы моего языка – это границы моего мира. Человек не видит того, обозначения чего нет в его лексиконе. ... То, для чего в моем языке нет слов, для меня не существует» [63]. Вместе с тем, существует и другая крайность, когда в науку вводят слишком много частных понятий, создаются обширные понятийные пространства, в которых пытаются разместить как можно больше элементарных понятий. В нашей работе будем придерживаться тезиса У. Оккама, францисканского монаха XIV столетия, который призывал «не умножать сущности без необходимости», что означает, что в конкретную науку не стоит вводить много новых понятий, если в этом нет необходимости. Исходя из такого принципа, остановимся только

на основных понятиях, связанных с феноменом социально-педагогической работы. Начнем с понятия «социальная работа». До сих пор в нашей стране, как и за рубежом, нет единого толкования этой дефиниции. Связано это, прежде всего, с различным пониманием ее функций и, конечно, мировоззрением авторов этих толкований. Приведем несколько примеров. Социальная работа – это:

- «специфический вид профессиональной деятельности, оказание государственного или негосударственного содействия человеку с целью обеспечения культурного, социального и материального уровня его жизни, предоставление индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц» [50];

- «специфическая профессиональная деятельность, осуществляемая специалистом с высшим образованием, задачей которой является развитие и организация решения социальных проблем» [46];

- «профессиональная деятельность в обществе, направленная на оказание помощи различным группам населения» [55].

Существует много и определений понятия «социально-педагогическая работа», в большинстве из них подчеркивается, что это «вид деятельности», а не что-либо иное. Впрочем, некоторые авторы предлагают рассматривать в качестве самостоятельного определения и иную «составляющую» социально-педагогической работы – ее теоретическое изучение.

Под социально-педагогической работой понимается введенное известным отечественным ученым А.В. Мудриком определение: социально-педагогическая работа – это профессиональная деятельность по оказанию помощи индивидам, группам, общинам в целях улучшения или восстановления их способности к социальному функционированию [28, с. 10]. Это определение отвечает следующим требованиям:

- оно достаточно кратко и вместе с тем емко: снимается противоречие между социально-педагогической работой как деятельностью и как теорией. Профессиональная деятельность подразумевает профессиональную подготовку (обучение) специалистов (социальных работников и педагогов), овладение ими профессиональными компетенциями, основанными на теоретических концепциях;

- в данном определении подробно перечисляются возможные объекты социально-педагогической поддержки: индивиды, социальные группы и общины, что также предполагает наличие различных форм и методов социально-педагогической поддержки.

Таким образом, контингент объектов социально-педагогической поддержки – весьма широк и, в то же время, он не включает в себя лиц, чьи социальные проблемы могут быть решены без внешнего вмешательства,

например, больных, самих получающих медицинскую помощь; выздоравливающих, самостоятельно восстанавливающих свои социальные функции; лиц, потерявших работу и самостоятельно нашедших ее снова и т. п.

Обратимся к понятию «педагогика социальной работы», под которым понимается следующее определение: это отрасль педагогики, изучающая социальное воспитание индивидов и групп, нуждающихся в поддержке со стороны общества [46]. Не вызывает сомнения, что социальное (т. е. приводящееся и организованное обществом) воспитание имеет в качестве главной задачи – социальную реабилитацию («возвращение» человека к социальному функционированию. Вместе с тем, эта задача не единственная, поскольку помимо нее у личности должны формироваться личностные качества, которые могут и отсутствовать у других «обычных» граждан, например, любовь к природе, религиозные чувства и т. п.

В настоявшее время многими отечественными и зарубежными исследователями отмечается тенденция к постепенному слиянию понятий «социальный работник» и «социальный педагог», поскольку в практической профессиональной деятельности сближаются их функции. Если социальным работником можно однозначно назвать специалиста, занимающегося людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, не имеющих достаточных ресурсов для самостоятельного решения своих жизненных проблем, то с социальным педагогом дело обстоит несколько иначе. У исследователей до сих пор нет единства мнений по вопросу определений этого понятия, равно как и базового понятия «социальная педагогика». Напомним, что в соответствии с определением, предложенным профессором А.В. Мудриком, социальная педагогика определяется как отрасль педагогической науки о социальном воспитании всех возрастных и социальных групп населения как в специальных организациях, так и в организациях, для которых воспитание не является основной функцией (армия, трудовой коллектив и т. п.) [28]. Существующая практика доказывает, что место социального педагога сегодня видят обычно в общеобразовательных организациях, в организациях дополнительного образования детей, в работе с трудными подростками из неблагополучных семей и т. п.

Обратимся к терминам в этой области, которые применялись в дореволюционной России. В этот период социальная работа именовалась обычно «помощью», причем виды такой помощи различались. Так, «детская помощь» означала поддержку детей из неимущих семей и детей-беспризорников, «трудовая помощь» – деятельность по трудоустройству безработных или организацию временных общественных работ. На рубеже XIX – XX вв. публиковались ежемесячные журналы «Детская помощь» и «Трудовая помощь», где обсуждались злободневные вопросы [32]. Очень популярным был и термин

«нравственная помощь», которая зачастую считалась важнее материальной поддержки. Она включала в себя совместное обсуждение существующей проблемы, путей выхода из сложившегося неблагоприятного положения, религиозное утешение и пр. В качестве главной цели нравственной помощи выступало «изгнание» духа уныния и неверия в свои силы и возрождение человека к нормальной, социальной жизни.

Как известно, методология играет важную роль в процессе изучения социальных явлений, поскольку задает структуру этого изучения и его способы. Понятие «Методология» происходит от трех греческих корней, которые соответственно означают: «верный», «путь» и «учение, знание». Таким образом, само понятие можно определить как учение о правильном пути или в контексте нашей темы как науку о путях исследования. По определению Энциклопедического словаря методология науки – это «учение о принципах построения, формах и способах научного познания» [63].

В отечественной исторической науке известны традиционные методологические подходы, к которым относятся следующие: принцип историзма; принцип объективности; закон отрицания отрицания. Под принципом историзма понимается исследование исторических явлений в их зарождении и развитии с учетом внешних условий. Этот подход предполагает не простое описание развития исторического феномена, но и толкование особенностей развития. В отношении истории социальной работы принцип историзма предусматривает изучение предмета с учетом тех социально-экономических, социально-политических и социокультурных факторов, которые оказывали влияние на формы и методы оказания поддержки нуждающимся в разные времена и у разных народов.

Принцип объективности исторического исследования заключается в том, что явление рассматривается вне зависимости от мировоззрения автора. Впервые принцип объективности был сформулирован древнеримским историком Тацитом, писавшим свои работы «без гнева и пристрастия».

В отечественной культуре был воплощен А.С. Пушкиным в «Борисе Годунове», когда, по мнению Григория Отрепьева, старый монах создавал летопись, «добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни гнева, ни печали». Однако на практике этот принцип соблюдался редко тем же Тацитом, который больше ориентировался на мнения императора, и русскими летописцами (Нестором), неоднократно переделывавшими труды предшественников в угоду «сиюминутному» князю. Таким образом, соблюдение принципа объективности на практике было объективно сложным.

Применение гегелевского диалектического закона отрицания отрицания в исторических исследованиях связано, прежде всего, с рассмотрением

не прямолинейного развития того или иного исторического феномена, а его движения вверх по спирали, когда определенные формы возникают уже на новом этапе, отрицая прежние и повторяя старые, но уже с новым содержанием. В отношении становления социальной работы в России, к примеру, доброжелательное отношение к нищим в конце XVII в., жестокое преследование их в первой половине XVIII века и вновь светское «нищелюбие» в начале XIX в.

В последние десятилетия XX века в России в связи с отказом от марксистского подхода в исторической науке, возникли новые методологические подходы. Следует отметить, что ни один из них не является универсальным, а позволяет более ярко выявить отдельные грани исторического явления, оставляя на втором плане другие. В современных условиях доказано, что эффективным представляется их комплексное использование, при этом набор и количество методологических подходов напрямую зависит от задач исторического исследования.

К современным методологическим подходам относятся: формационный, цивилизационный, аксиологический, парадигмальный, герменевтический, синергетический. Эти подходы рассмотрены нами с позиции исследования различных аспектов истории социальной работы. Формационный подход основывается на теории К. Маркса об истории как борьбе классов и существовании сменявших друг друга общественно-экономических формаций: общинно-родовой, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и гипотетически коммунистической (первая стадия – социалистическая). Согласно этой теории все исторические явления обусловлены экономическими отношениями между людьми и их правами на средства производства. Формационный методологический подход применительно к истории социальной работы объясняет в некоторых случаях явления массового обнищания значительных социальных групп населения. Цивилизационный подход можно представить, как объяснение особенностей какого-либо исторического процесса в крупном регионе стереотипными традициями, сложившимися в условиях большой цивилизации. Согласно теории цивилизаций, они делятся на великие (европейская, христианская, исламская, китайская и др.) и локальные (древнеегипетская, ацтекская в Центральной Америке и др.). Локальные цивилизации могут входить в состав великих или испытывать их влияние. В отношении истории социальной работы цивилизационный методологический подход дает возможность проанализировать влияние различных духовных традиций и политических конструкций на отношение общества к нуждающимся и оказание им помощи. Следует отметить некоторую

статичность цивилизационного подхода. Так, применительно к некоторым революционным периодам, когда представления у некоторых слоев общества изменились, а основная масса населения продолжала жить старыми представлениями, цивилизационный подход дает весьма условную картину отношения общества к нуждающимся в оказании помощи.

Аксиологический методологический подход основывается на ценностных представлениях (греч. *аксио* – ценность), которые доминировали в определенных исторических этапах у общества и отдельных социальных групп. Особенно продуктивным представляется применение аксиологического подхода в исследовании процесса развития теоретических основ социальной работы и педагогики социальной работы. Так, задачи воспитания и перевоспитания нуждающихся неоднократно декларировались в документах, в том числе и официальных.

Между тем, в основе воспитания был некий идеал, менявшийся в различные исторические периоды. Следует также отметить, что аксиологический подход имеет свои недостатки в процессе анализа реального оказания помощи нуждающимся в каком-либо социуме. Это объясняется тем, что у различных социальных групп, в том числе и у самих нуждающихся, были собственные ценностные представления. Так, например, в России XIX века общество резко осуждало подачу безразборчивой милостыни, нуждающиеся, естественно, хотели ее получать, а богатые, но малообразованные купцы охотно подавали. В результате многие мероприятия по борьбе с нищенством оказывались малоэффективными.

Парадигмальный подход в 90-е гг. XX века в области изучения истории социальной работы получил широкое распространение (греч. *парадигма* – образец). В соответствии с ним, на каждом, как правило, небольшом историческом отрезке у конкретного общества существует особая «парадигма» социальной помощи, которая позже, в связи с изменением внешних условий менялась на новую. Отметим, что под парадигмой понимается определенная идеализированная модель, на основе которой можно анализировать конкретные проявления в сфере поддержки нуждающихся. С помощью парадигмального подхода, как правило, удается объяснить большинство явлений в сфере социальной работы в конкретный исторический период у конкретного общества. Но, как и всякий образец, парадигма обладает статичностью. Парадигмальный методологический подход перестает работать, когда в рамках устоявшейся эпохи появляются «ростки» нового, и подходы к помощи нуждающимся уже не вписываются в старую парадигму, а иногда прямо противоречат ей.

Герменевтический подход, также как и синергетический методологический подход, представляется самым сложным, однако и самым перспективным. Применительно к рассматриваемой нами тематике, под герменевтическим подходом понимаются попытки реконструкции (на основе сохранившихся письменных источников) мировосприятия и образа мышления людей, живших в прошлом и принадлежавших к разным социальным группам. Преимущество герменевтического методологического подхода состоит в том, что он позволяет понять через мировосприятие отдельного человека или какой-либо социальной группы функционирование социально-экономических и социально-политических условий, которые существовали в то время. Применение герменевтического методологического подхода к изучению истории социальной работы позволяет достаточно эффективно рассматривать причины успешного и негативного опыта тех или иных мероприятий по организации социальной помощи, проводившихся в различные времена. Так, воспоминания конкретного человека дают иногда больше информации, чем чтение официальных документов и отчетов, зачастую, фальсифицированных.

Таким образом, герменевтический методологический подход позволяет представить историю социальной работы не просто как смену «застывших» парадигм, а как живой динамичный процесс. Элементы нового мышления возникали еще в недрах господства прежних представлений, а некоторые старые традиции получали новое теоретическое обоснование и продолжали существовать и после коренных изменений в общественном сознании. Все это, несомненно, влияло на теорию и на практику социальной работы. Так, герменевтический подход позволяет объяснить параллельное существование средневековой безразборчивой милостыни (ее зачастую подавали не только купцы и мещане, но и представители интеллигенции) и деятельности благотворительных организаций, которые пытались основывать свою работу на новейших достижениях социологии и психологии.

Необходимо заметить, что одним из самых «узких» мест герменевтического методологического подхода является его достоверность, которая подтверждается разного рода письменными источниками, многие из которых могли иметь субъективный характер. Кроме того, герменевтический подход не дает возможности для целостного рассмотрения исследуемого процесса, требующего анализа значительного количества документов.

Применение синергетического методологического подхода является весьма перспективным и в то же время спорным: многие исследователи трактуют его сущность по-разному. Само понятие «синергетика», как известно,

первоначально имело богословское значение (совместное действие человека и Бога). Гораздо позже оно в разных смыслах вошло и в гуманитарные науки.

Мы рассматриваем его в узком, прикладном значении как утверждение о том, что возникновение новых направлений в развитии форм и методов социальной работы обусловлено многочисленными связями между различными факторами, влияющими на этот процесс, в котором допускалась вариантность и альтернативность [13, с. 88]. Отметим, что и синергетический методологический подход нельзя признать универсальным. Во-первых, невозможно учесть все факторы, которые действовали скрыто и косвенно, но тесно взаимодействовали между собой. Во-вторых, синергетический подход, как наиболее общий, заведомо предполагает рассмотрение процесса в целом, что может привести к потере некоторых весьма существенных частных.

Таким образом, можно утверждать, что ни один из рассмотренных методологических подходов, используемых при изучении истории социальной работы, не является универсальным. Вместе с тем, теория и практика убеждают: не стоит применять все эти подходы одновременно: в зависимости от тематики, задач и степени сложности исследования рекомендуется выбрать подходы, наиболее адекватные изучаемой социальной тематике.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что общего и что различно в толковании базовых понятий «социальная работа», «социально-педагогическая работа», «педагогика социальной работы», «социальный работник», «социальный педагог»?
2. Дайте характеристику основным методологическим подходам к изучению истории социальной работы в России.

Тема 2 Особенности изучения истории социально-педагогической работы в отдельных российских регионах

План

1. Социально-экономические и социокультурные факторы, влияющие на развитие форм социально-педагогической поддержки.
2. Развитие системы социально-педагогической поддержки нуждающихся в отдельных российских регионах.
3. Становление традиций социально-педагогической поддержки на Кубани в начале XX в.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие / В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Современная энциклопедия социальной работы / [Ю. В. Алексеев и др., гл. науч. ред. В. И. Жуков] ; Федеральное агентство по образованию, Российский гос. социальный ун-т. [2-е изд., доп. и перераб.]. М. : [Изд-во РГСУ], 2008. 406 с.
4. Спирина, В. И. Очерки истории социальной работы на Кубани / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.
5. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

В последние годы появился ряд исследований, посвященных изучению истории социальной работы в отдельных российских регионах. Вместе с тем, общие методологические подходы к изучению региональных особенностей истории, развития различных форм социально-педагогической поддержки нуждающихся в России до сих пор, разработаны недостаточно. Большинство исследователей констатирует, что в том или ином регионе, наряду с общегосударственными, проявлялись собственные специфические тенденции генезиса социально-педагогической работы.

Исследователь данной тематики И.А. Скалабан совершенно справедливо утверждает, что историю социально-педагогической работы невозможно понять без анализа специфики тех или иных регионов нашей многонациональной страны. Сходные высказывания имеются и у других авторов [41]. Одни из них в качестве основных факторов, повлиявших на специфику развития социальной помощи в той или иной области России, выделяют социально-экономические условия; другие обращаются к социокультурным особенностям населения, его национальному составу; третьи – на религиозные традиции милосердия, свойственные различным конфессиям, которые имели наибольшее число последователей в этом регионе [там же]. Все эти факторы оказали воздействие на формирование традиций социальной поддержки в отдельных регионах. Следует отметить, что методика, позволяющая выявить специфику истории развития социально-педагогической работы в российских регионах как целостного социально-экономического, социокультурного и социально-педагогического явления, до настоящего времени полностью не разработана.

Очевидно, следует выявить основные факторы воздействия на существование тех или иных форм социальной поддержки и социального воспитания, специфических для каждого конкретного региона. В рассматриваемый нами исторический период к ним можно отнести, прежде всего, официальную правительственную политику в этой сфере, поскольку Российская империя была жестко централизованным государством. Вместе с тем на конкретное воплощение в жизнь этой политики, особенно на окраинах империи, оказывало влияние множество различных факторов, связанных с местной спецификой и особенностями. Эти факторы можно разделить на две группы: социально-экономическая и социокультурная. К первой относятся:

1. Уровень социально-экономического развития региона в сравнении с уровнем развития ведущих российских губерний (С.-Петербургской и Московской).

2. Социальный состав населения и его расслоение по уровню доходов: степень преобладания крестьянства, число мещан, ремесленников, рабочих и т. п.

3. Наличие в регионе крупных городов как центров концентрации социально незащищенных лиц.

4. Национальный состав населения с учетом представительства различных национальностей в отдельных сферах народного хозяйства.

5. Наличие числа переселенцев (для окраин России).

6. Наличие значительной прослойки обеспеченных лиц, занимающихся частной благотворительностью.

Что же касается социокультурных факторов, влияющих на становление и развитие различных форм социальной помощи, то в первую очередь следует назвать:

1. Отношение к нуждающимся, связанное, в первую очередь, с конфессиональным мировосприятием.

2. Национальный состав населения и его традиции в области социальной поддержки и социального воспитания.

3. Наличие определенной прослойки образованных лиц, которые, в большинстве случаев, выступали организаторами негосударственных благотворительных обществ.

4. Уровень развития народного просвещения и доступность его для детей из нуждающихся семей [3].

Как и в отношении социально-экономической группы факторов, этот список можно продолжить, однако он включает ведущие направления, по которым можно оценить влияние социокультурных причин на специфику организации социальной помощи. Руководствуясь синергетическим методологическим подходом, следует отметить, что все эти факторы, не только

включенные в одну группу, но и принадлежащие к разным группам, находились в тесном взаимодействии и взаимно влияли друг на друга. Национальный фактор рассматривается одновременно как социально-экономический, так и социокультурный. Общеизвестно, что представители одной народности, проживавшие в каком-либо российском регионе, особенно на границах империи, зачастую занимали нишу в сфере народного хозяйства, что, с одной стороны, носило явно социально-экономический характер, а с другой, определялось социокультурными традициями этой народности, в том числе и в сфере социального воспитания. Вместе с тем, выделение обозначенных факторов облегчает анализ региональных особенностей социальной работы в их историческом развитии. Как правило, несколько из этих факторов являлись доминирующими и оказывали сильное воздействие и на остальные факторы и таким образом формировали особую традицию социальной помощи в этом регионе.

В качестве примера можно привести состояние дел по борьбе с нищенством в Москве. Еще в XVIII веке современники свидетельствовали о том, что Москва, достаточно богатый город, славилась «толпами нищих», которых здесь было несравненно больше, чем в Петербурге и, тем более, в губернских городах. Причина этого явления виделась в традиционном «нищелюбии», привычке подавать безразборчивую милостыню, прочно укоренившейся в сознании многих обеспеченных горожан. В целом в Москве, как и в северной столице, государственные власти и общественные благотворительные организации проводили очень схожую политику, владея крупными средствами для этих целей. Однако результаты борьбы с нищенством в двух этих городах были различными. Возможность выпрашивать у прохожих крупные суммы денег привлекали в Москву огромное число реальных и профессиональных нищих со всех окрестных губерний. В Петербурге это явление также имело место быть, правда, в значительно меньших масштабах [1].

Дадим характеристику основным факторам, воздействовавшим на развитие системы поддержки нуждающихся в отдельных регионах.

Уровень социально-экономического развития играл двоякую роль в формировании системы социальной поддержки в каждой губернии Российской империи. Особенно заметно эта тенденция стала проявляться после отмены крепостного права, когда многие из крестьян устремились в города и утратили всякую связь со своей сельской общиной и таким образом лишились права на общинную взаимопомощь. С одной стороны, жители богатых губерний в целом имели более высокий уровень жизни по сравнению с другими. Здесь в городах, проще было найти работу, обучиться какому-нибудь ремеслу и получить постоянный источник существования. Помимо того, в этих

губерниях, начиная еще с середины XVIII в., существовала достаточно эффективная система различных учреждений по оказанию помощи нуждающимся: от организации ночлежек до специализированных профессиональных училищ. Здесь впервые была сделана попытка применить новаторские методы социальной поддержки, как со стороны властей, так и органов местного самоуправления, а также общественных благотворительных организаций.

С другой стороны, крупные города всегда служили местом притяжения для нуждающихся особенно из деревень, куда приезжали с надеждой получить работу. Вместе с тем, они зачастую оказывались неприспособленными к жизни в новых социальных условиях и незамедлительно попадали в категорию нуждающихся. Таким образом, столичные города, особенно Москва, становились своеобразными «центрами» профессионального нищенства, где подавали много и охотно. Как следствие, проблема борьбы с профессиональным попрошайничеством особо остро проявлялась в крупных городах.

Что же касается регионов с более низким уровнем экономического развития, то здесь наблюдалась другая картина: число нуждающихся было гораздо меньшим, да и формы и методы оказания помощи им были не столь разнообразными. Не сильно было распространено и профессиональное нищенство, однако работоспособным нуждающимся было гораздо сложнее здесь найти себе заработок. Примечательно то, что именно в бедных губерниях еще со второй половины XVIII века хорошо себя зарекомендовала такая форма организации социальной помощи, как проведение общественных работ. В столичных городах, напротив, желающих трудиться таким образом было немного. Что же касается Кубани, то она прошла оба этих уровня: от неосвоенного и бедного края в конце XVIII – первой половине XIX вв., до сравнительно богатой Кубанской области, административной единицы в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, существовавшей с 7 декабря 1920 по 13 сентября 1937 года.

Не меньшее влияние на возникновение различных форм социальной поддержки в регионах оказывал социальный состав населения и степень его расслоения по уровню доходов. Так, для северных губерний с преобладающим лично свободным населением в первой половине XIX века доминировали общинная и церковно-приходская помощь. Они дополнялись государственной, как правило, проводившейся через Приказы общественного призрения, а во второй половине века, деятельностью небольших общественных благотворительных организаций. Эти губернии сравнительно легко перенесли и экономический кризис, имевший место в России в первой половине 60-х гг. после отмены крепостного права.

Несколько иначе сложилось положение в центральных и, особенно, южных губерниях, где крепостное право получило широкое распространение. Если в XVIII – первой половине XIX вв. значительное число крестьян находилось под опекой помещиков, то после 1861 года их положение резко изменилось. Земельные наделы, полученные ими, были небольшими, да и сельское общество уже не могло оказывать крестьянам действенную помощь, как раньше: положение их заметно ухудшилось, а имущественное расслоение возросло. Следует также отметить, что традиции приходской помощи здесь практически отсутствовали. В этих губерниях основная доля поддержки нуждающихся легла на вновь созданные земские органы, которые были вынуждены в срочном порядке создавать различные учреждения по оказанию социальной поддержки, особенно в городах. Что же касается иногородних, попавших на Кубань уже в последние десятилетия XIX в., то именно они стали основными «клиентами» различных благотворительных обществ, организованных в кубанских городах в конце XIX столетия.

Наличие в отдельных регионах крупных городов (как центров концентрации социально незащищенных лиц) сыграло важную роль в развитии социальной поддержки в различных российских губерниях. Именно здесь возникали первые негосударственные благотворительные общества и апробировались различные формы государственной поддержки. Провинциальные губернские города нередко пытались заимствовать «передовой» столичный опыт, прежде всего, в области «нравственной поддержки» нуждающихся и распространять его в уездных городах. Так, создание таких государственных органов социальной поддержки, как Приказы общественного призрения, происходило постепенно: сначала в Петербургской губернии, затем в ближайших к ней, Тверской и Новгородской, позже в Московской и далее по всей России. Кроме того, наличие в крупных городах различных категорий нуждающихся способствовало появлению новых форм помощи: профессионального обучения, создания «дневных» детских садов для работающих матерей; предоставления дешевого или бесплатного жилья и т. п.

Сравнительно позднее появление в Кубанской области (1860 г.) общественных благотворительных организаций во многом объясняется отсутствием там крупных городов вплоть до конца XIX в. Существенное воздействие на становление и развитие социальной помощи в отдельно взятых губерниях оказывал национальный состав населения с учетом представителей разных народов в структуре общественного производства. В некоторых регионах России, где наряду с русским населением жили представители других народов зачастую устанавливалось своеобразное «разделение труда», когда каждый из народов (или, по крайней мере, значительная его часть)

занимался традиционными для него видами хозяйственной деятельности. Определенное «размывание» профессиональной принадлежности по национальному признаку, начавшееся на окраинах России во второй половине XIX столетия, имело важные последствия для появления новых форм социальной работы в этих регионах.

Так, например, в Кубанской области на рубеже XIX–XX вв., определенная часть адыгов была вынуждена покинуть свои сельские общины и перебраться в города в поисках работы. Вполне естественно, что эта социальная группа оказалась наименее адаптированной к жизни и работе в городе с доминирующим русским населением, и часть ее членов достаточно быстро перешли в категорию нуждающихся в поддержке. Это и стало одной из главных причин создания в начале XX в. нескольких национальных, в том числе адыгских благотворительных обществ, оказывающих разнообразные виды социальной помощи землякам [6]. Наличие большого числа переселенцев, что было характерно для некоторых окраин Российской империи, также накладывало отпечаток на формирование и развитие системы социальной поддержки в регионе. Переселение из центральных, густонаселенных губерний во вновь присоединенные области с малочисленным числом местного населения довольно широко практиковалось в России вплоть до начала XX века. Оно могло быть полупринудительным или добровольным, и в большинстве случаев «новоселы» в начале переселения испытывали значительные материальные затруднения и пользовались определенной экономической поддержкой со стороны государственных структур.

Подобная помощь, применительно к конкретному региону, носила самый разнообразный характер: от выдачи продовольствия и семенного зерна до предоставления налоговых льгот, запрета набора в армию рекрутов из числа переселенцев. Эта помощь носила широкие масштабы и накладывала серьезный отпечаток на всю организацию социальной работы в той или иной губернии. К числу таких регионов принадлежала и Кубань, которая за первую четверть XX века прошла трудную эволюцию от области Российской империи с особым статусом казачьего сословия к субъекту РСФСР. Здесь в конце XVIII – первой половине XIX вв. было проведено несколько крупных централизованных переселений русских и украинцев, отчасти обеспеченных государственной поддержкой. Их следует отличать от массовых добровольных миграций, характерных уже для второй половины XIX столетия. В этом случае заботу о переселенцах были вынуждены брать на себя региональные структуры социальной поддержки и частные благотворительные общества. Определенную роль в формировании системы учреждений по организации социальной поддержки в различных регионах сыграло проживание там определенной прослойки обеспеченных

лиц, занимавшихся благотворительностью в широких масштабах. Следует отметить, что на протяжении все истории Российской империи социальная помощь финансировалась, в основном, не из казны, а за счет частных лиц: от подачи безразборчивой милостыни, до строительства и содержания специализированных благотворительных заведений. Вместе с тем, подобное финансирование в достаточно крупных размерах было возможно только в тех регионах, где были богатые жертвователи. Так, богатые московские купцы, особенно старообрядцы, раздавали огромные суммы в виде безразборчивой милостыни, однако результатом этого стало не столько улучшение дел в сфере социальной поддержки, сколько увеличение числа профессиональных попрошайек. Вместе с тем, в бедных губерниях многие общественные благотворительные организации были вынуждены свернуть свою деятельность именно из-за недостатка финансирования, т. е. отсутствия пожертвований на нужды социальной помощи. Можно с определенной долей уверенности предположить, что число негосударственных благотворительных обществ и эффективность их работы напрямую зависели от размеров таких пожертвований. Подобную тенденцию можно достаточно отчетливо проследить и на примере Кубани. Так, в первой половине XIX в., когда пожертвования на благотворительность получили широкое распространение в среде купечества и дворянства, на Кубани (Черномории) такие пожертвования в крупных размерах встречались довольно редко, что объяснялось отсутствием достаточного числа богатых людей. Этой причиной было обусловлено и достаточно позднее, по сравнению с центральными губерниями, появление здесь эффективно действующих негосударственных благотворительных обществ.

Рассмотрим теперь группу социокультурных факторов, оказывавших влияние на развитие социально-педагогической работы (особенно в сфере социального воспитания нуждающихся) и определявших специфику этого развития. Остановимся на традиционном отношении к нуждающимся со стороны населения, обусловленное, в первую очередь, его конфессиональной принадлежностью. Общеизвестно, что в большинстве государств традиции социальной помощи и ее конкретные формы во многом были связаны с конфессиональной принадлежностью большинства их населения, когда собственно религиозные убеждения зачастую переставали быть доминирующим фактором, определяющим мировоззрение большинства людей. Подавляющее большинство населения Российской империи придерживалось православного вероисповедания. Как известно, на окраинах государства, существовали области, заселенные последователями иных христианских конфессий и других религиозных учений. О различии их подходов к проблемам социальной помощи писали многие отечественные

исследователи, отмечавшие, что число нищих в западных областях Российской империи (преимущественно протестантских и католических), значительно меньше, чем в центральных (православных). Это объяснялось православной традицией широкой раздачи безразборчивой милостыни. Схожими могли быть внешние формы благотворительности, а ее религиозные первопричины, особенно отношение к нуждающимся в той или иной религии или конфессии отличались. Особенно отчетливо это проявлялось в традиционных конфессиональных подходах к социальному воспитанию нуждающихся. Национальный состав населения, его традиции в оказании социальной помощи и организации социального воспитания также выступали важнейшим фактором, влияющим на специфику исторического развития социально-педагогической работы в каждом регионе. Этот фактор был тесно связан с конфессиональными особенностями поддержки нуждающихся, но не тождественен им.

Формирование традиций социальной поддержки у народов, населявших какой-либо регион, происходило на протяжении столетий, было связано с народными обычаями, возникшими еще в древние, языческие времена, с особенностями экономической и социальной жизни каждого народа. К примеру, при сравнении обычаев благотворительности у адыгов и казанских татар, существовавших в XIX столетии, можно наблюдать как их сходство, так и некоторые заметные различия, хотя оба этих народа придерживались ислама. Объяснялось это, во многом, тем фактом, что татары теснее контактировали с русским населением, многие из их семей давно проживали в городах и т.п. Адыги же, напротив, до конца XIX столетия сравнительно мало были связаны с русскими, как в экономической, так и в социокультурной сферах. Помимо того, жизнь горных аулов способствовала сохранению многих традиций, свойственных горским народам, например, широко известного обычая гостеприимства, тесно связанного с социальной поддержкой, внутриобщинной взаимопомощью, которая почти отсутствовала у городских татар [6]. Равным образом и казачье население Кубани выработало специфические формы социальной помощи, которые в Центральной России, также в подавляющей степени православной, были давно забыты. В качестве примера здесь можно привести сбор средств на выкуп пленных и др.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие: Спирина В. И., Спирина М. Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с. Дайте характеристику основным факторам, воздействовавшим на развитие системы социальной поддержки нуждающихся на рубеже XIX–XX вв.

ГЛАВА II

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА КУБАНИ

Тема 3 Традиционные формы социальной поддержки и социального воспитания на Кубани

План

1. Характеристика форм социальной помощи у адыгов и казачества.
2. Инновационные формы и методы социального воспитания и социальной поддержки на Кубани на рубеже XIX и XX вв.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Спирина, В. И. Очерки истории социальной работы на Кубани / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.
4. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

Общеизвестно, что коренное население региона до его присоединения к России составляли различные малочисленные народы, при этом самой крупной этнической группой были адыги (самоназвание адыгэ) и этнически близкие к ним черкесы. В отечественной историографии XIX – начала XX вв. все эти народы назывались черкесами.

Что касается казачества, то Кубанское казачье войско было сформировано в 1860 г., главной его составляющей было Черноморское казачье войско, образованное в конце XVIII в. из бывших запорожских казаков, позднее пополнявшееся переселенцами из Украины. К кубанским казакам была также причислена и часть донских казаков из состава Кавказского линейного войска. Районы компактного расселения бывших черноморских и линейных казаков просуществовали до начала XX в., хотя и имели общее название – кубанские. Иногородними назывались лица, не принадлежавшие к казачьему сословию и не пользовавшиеся его льготами. Следует отметить,

что до 1861 г. их постоянная оседлость на территории Войска не допускалась, т. к. иногородние не имели права владеть здешними землями. Но уже к началу XX века за счет миграции из России они составляли свыше половины населения Кубани. Как правило, это были лица, принадлежавшие к низшим слоям общества (крестьяне, мещане, отставные солдаты, позже рабочие), т. е. потенциальные объекты социальной поддержки. Достаточно сложные условия существования и притеснения со стороны казаков вызывали и переселение иногородних с Кубани в другие регионы России, хотя этот процесс не носил массового характера. Что же касается административно-территориального деления края, то с конца XVIII в. до 1861 г. часть его с границей по р. Кубань официально именовалась Черноморией, а казачье войско – Черноморским казачьим войском. После 1861 г. территория была расширена за счет присоединения ряда земель, в том числе и «замиранных» после окончания Кавказской войны (1850 г.) и получила название – Кубанская область, Черноморское казачье войско соответственно было переименовано в Кубанское.

К началу XIX столетия у различных адыгских субэтнических групп в целом наблюдался процесс постепенного разложения патриархально-родовых отношений и усиление влияния племенной знати и мусульманского духовенства. Однако этот процесс шел неравномерно: в некоторых из них местный князь и дворяне обладали значительной властью над крестьянами, часть из которых находилась в крепостной зависимости от представителей местной знати; в других значительную социальную роль продолжали играть свободные крестьяне-общинники. Существовал у адыгов и институт рабства, хотя положение рабов (главным образом из числа пленных во время набегов на «соседей») было различным. Общая численность адыгов на Кубани к началу XIX века по различным источникам составляла от 200 до 400 тысяч человек [62]. Подобные особенности социальной жизни и религиозных традиций обусловили сложившиеся у них традиционные формы социального воспитания и социальной поддержки. Как известно, ислам был принят адыгами сравнительно поздно (XVI–XVII вв.), по этой причине языческая религиозная традиция, наложившая свой отпечаток на общественную жизнь народа, оставалась достаточно сильной. В отличие от народов Дагестана, принявших ислам еще в VII в., у адыгских племен законы шариата не являлись главенствующими, а исламская идеология не оказывала сильного влияния на этническую ментальность. Гораздо большую роль в социальной жизни адыгов играли адаты – «неписанные законы», сложившиеся много веков назад, главным образом, на общинных традициях и далеко не во всем совпадавшие с требованиями шариата» [24, с. 90]. Все действующие адаты были объединены в единый

кодекс «Адыгэ хабзэ» (адыгский закон), не получивший письменного оформления, но свято чтимый и передававшийся от поколения к поколению. Он затрагивал все стороны социальной и семейной жизни адыгов. Среди различных форм социальной помощи, существовавших у адыгских племен, доминировала внутриобщинная помощь, во многом схожая с видами помощи в сельских общинах у других народов. Вместе с тем у адыгов существовали и специфические формы социального воспитания и социальной поддержки, связанные с отличиями их социальной жизни.

Как было отмечено ранее, в «Адыгэ хабзэ» достаточно подробно представлены такие обычаи, как внутриобщинная помощь и взаимопомощь, воспитание детей в национальных традициях, уважительное отношение к старшим и забота о стариках и т. п. Существовали и обычаи, связанные с социальной поддержкой, к которым относятся: помощь и взаимопомощь внутри сельской общины; покровительство (патронат); куначество; «тлеух» (братство); усыновление взрослых лиц; попечение о сиротах; аталычество (воспитание детей в чужих семьях); забота о стариках [24].

Внутриобщинная помощь и взаимопомощь включали в себя разнообразные виды социальной поддержки. К ним относилась, прежде всего, помощь отдельным семьям в сельскохозяйственных видах работ, в случае, если семья в силу каких-либо причин (отсутствие работоспособных мужчин, тяглового скота и т. п.), была не в состоянии самостоятельно обработать свой надел. Такой обычай назывался «шихафэ» – традиция, сохранившаяся в адыгских селах до настоящего времени. Также существовал общинный земельный фонд, который обрабатывался сообща, и собранный урожай распределялся между нуждающимися семьями. Таким образом, община оказывала помощь продуктами в случае проведения семейных ритуалов: свадебных торжеств, рождения детей, похорон и т. п. [там же].

Эти обычаи нашли отражение в этнографических работах современников. В 30-е годы XIX в. один из этнографов писал, что у горцев нет нищих, просящих милостыню... вся община ведет свои дела сообща, все члены ее ... помогают все вместе каждому. В середине XIX в. адыгский просветитель Ш.Б. Ногмов, отмечал, что у адыгов «просить помощи у соседа ... не считалось позором. Помогать бедным представлялось всем в священную обязанность» [30]. Вместе с тем, несмотря на доминирование внутриобщинной поддержки, у адыгов существовали и другие формы общественной помощи, связанные с постепенным усилением могущества местных князей и дворян-узденей, постоянными межплеменными столкновениями, существованием кровной мести и т. п. Эти обычаи были направлены на поддержку лиц, которые лишались покровительства (постоянно или временно) своей

сельской общины. Здесь значительную роль играло покровительство или патронат со стороны князей и влиятельных лиц. Кубанский историк и литератор первой половины XIX в. Хан-Гирей отмечал: «По введенному в Черкессии обыкновению, слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: поручает себя, свое семейство ... ее покровительству, в чем ему и не отказывается никогда» [57].

Человек, поступавший под покровительство, получал первоначально помощь скотом, продовольствием, инвентарем и т. п. Одновременно он принимал на себя определенные обязательства перед покровителем: от исполнения сельскохозяйственных и строительных работ для патрона до участия в военных набегах. Таким образом, покровительство сложно считать социальной поддержкой в чистом виде. Тем не менее, элементы поддержки в этом обычае присутствуют: человек, по каким-либо причинам оторвавшийся от общины, становился беззащитным и нуждался в покровительстве.

Некоторое сходство с обычаем покровительства имело куначество (от тюркского слова «конак», т. е. гость). Само термин использовался в двух значениях. Во-первых, это был союз двух равных по своему социальному положению людей (у казаков такой союз назывался «побратимство»). Кунаки оказывали друг другу помощь и поддержку: от материальной, до военной. В отдельных случаях кунаками становились адыг и русский. В этом случае, даже в случае военных действий, они не имели права на личные поединки, если один из них попадал в плен, кунак был обязан выкупить его или освободить иным путем.

Во-вторых, под куначеством иногда понимались отношения двух лиц, построенные по принципу «патрон – клиент». В этом случае один из них становился покровителем и оказывал всяческую помощь, а другой мог предложить личную преданность и помощь при набегах и военных столкновениях.

Тлеух или братство представляло собой большую группу людей, число которых порой доходило до нескольких сот человек, объединенных определенными обязательствами. Этот был обычай. В братство первоначально входили представители нескольких родов, принадлежавших к разным общинам. Позже в такие братства стали принимать и «чужаков» (изгоев из собственного и чужих племен; лиц, потерявших близких в результате кровной мести и др.) при соблюдении условия; те должны были выполнять все обязанности сообщества. В газете «Тифлиссские ведомости» в 1829 году так описывался этот обычай: «Всякий беглец, бродяга, преследуемый законами, находил верное убежище у Адыхэ (адыгейцев). ... Беглец, который предполагал поселиться в горах, немедленно должен просить покровительства

и объявить свое намерение принять их обряды; в этом случае он получает гарантированную защиту со стороны братства), приводится к присяге – вести себя сообразно с обычаями Адыхэ. С этого времени он равен всем коренным жителям, права его и собственность обеспечиваются, и он принимается всеми как брат» [57].

Ряд либерально настроенных российских этнографов и социологов второй половины XIX – начала XX вв. видели в адыгских «братствах» прежде всего организации, которые выступали против властных притязаний местных князей и дворян. Однако необходимо указать, что братства в значительной степени занимались организацией взаимной поддержки своих членов: сюда входили материальная поддержка, сбор средств для выкупа за невесту, помощь в строительстве домов и т. п. В определенной степени эти формы социальной поддержки напоминали общинные, но распространялись на лиц, не всегда связанных родовыми или общинными узами.

Интересной и специфической формой социального воспитания и социальной поддержки у адыгов было и формальное усыновление взрослых. Как правило, это были люди, которые по каким-либо причинам лишались поддержки своего рода или общины, в том числе и из-за нарушения норм жизни, указанных в адатах. Обычай усыновления взрослого считался священным, и отказать в нем могли только в исключительных случаях. О древних корнях обычая усыновления взрослых, восходящего к временам существования матриархата, свидетельствует тот факт, что усыновляла просившего старейшая женщина рода. На усыновленного распространялось большинство прав и все обязанности члена рода и общины. Как следствие, усыновленный становился полноправным объектом внутриобщинной социальной поддержки.

Попечение о сиротах у адыгов также являлось определенной формой социальной поддержки. Следует отметить, что в силу прочных семейных связей, решение этой проблемы брали на себя родственники, даже отдаленные. Только в исключительных случаях сироты попадали под опеку кого-либо из наиболее почитаемых членов общины. В адыгских семьях считалось большой бедой не иметь детей, и по этой причине, желающие взять под опеку сирот всегда были. Опекуна, даже если им становился близкий родственник, всегда утверждала община. Согласно адатам, опекуном детей мог стать только мужчина. Вместе с тем, уже во второй половине XIX века под влиянием контактов с русским населением, отмечались отдельные случаи опеки девочек-сирот женщинами – матерями семейств. Можно также утверждать, что в благополучных адыгских сельских общинах проблема опеки детей-сирот была решена полностью: все они получали должное воспитание, не испытывали материальной нужды.

Своеобразной формой воспитания детей, также включающей в себя значительные элементы социальной поддержки, но уже никак не связанной с общинными традициями, стало аталычество – передача ребенка на воспитание в чужую семью. Как правило, дети из знатных семей отдавались на воспитание лицам, имевшим более низкий социальный статус. Примечательно, что такой обычай существовал у многих народов на ранней ступени их развития, в том числе и в Древней Руси. Однако у многих народов Северного Кавказа, в силу специфики их жизни эта традиция сохранялась вплоть до XIX столетия.

Один из потомков черкесских (адыгских) князей, С. Хан-Гирей – русский офицер, литератор и этнограф первой половины XIX в., получивший европейское образование, следующим образом объяснял обычай аталычества и его функцию социальной взаимопомощи. «Причиной такого рода воспитания, было, кажется, следующее: князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные пути и средства приблизить к себе дворян (имеются в виду свободные общинники-воины, служившие в княжеских вооруженных отрядах и не отличавшиеся большим материальным достатком). В свою очередь, дворяне (выступавшие в роли воспитателей – аталыков) для защиты и вспомоществования себе во всех случаях всегда желали сблизиться с князьями (бедные всегда нуждаются в помощи богатых, слабые – в покровительстве сильных, могущество которых увеличивается влиянием на нуждающихся в помощи. Для такого сближения оказалось верным средством воспитание детей, которое связывало два семейства в определенном смысле кровным родством и приносило обоюдные выгоды» [57].

Обычай аталычества состоял в том, что воин, взявший на воспитание в свою семью сына князя, был обязан сопровождать своего патрона везде, в том числе, в военных набегах. Тот, в свою очередь, обязался защищать свободу и имущество воспитателя и оказывать его семье материальную поддержку. Таким образом, аталычество можно рассматривать как одну из своеобразных форм покровительства. Вместе с аталычеством выполняло очень важную функцию социального воспитания: княжеский ребенок рос, как правило, в суровой обстановке вне дома, обучался навыкам общения со сверстниками и старшими, у него формировались необходимые привычки поведения в адыгском социуме. Напомним, что юноша получал разрешение вернуться в родной дом, достигнув совершеннолетия.

Уважение к старшим и забота о стариках, утративших способность самостоятельно работать, было весьма характерным явлением для народов Северного Кавказа, что отмечалось многими этнографами-исследователями. В адыгских селениях старики были обеспечены постоянной заботой и уходом,

даже если у старика не было ближайших родственников, его брал на попечение кто-нибудь из родни и относился к нему, как к собственному родителю. Если же одинокий старик оставался без поддержки родственников, то позор ложился на весь его род. Именно этим обычаем объясняется то, что даже в начале XX в., когда значительная часть адыгов переселилась в города, а традиционные обычаи стали соблюдаться слабее, одинокие старики-адыги практически не попадали в богадельни, поскольку всегда находились родственники, готовые приютить их.

Отметим, что старики в общинах выполняли весьма важную функцию социального воспитания. Их слушали беспрекословно не только дети из собственной семьи, но и все лица младшего возраста. Представители старшего поколения выступали гарантами соблюдения обычаев и общинных традиций. Ослушаться их указаний считалось тяжкой провинностью.

Таким образом, традиционные формы социального воспитания и поддержки, существовавшие у адыгов с древних времен, были востребованы на протяжении почти всего XIX столетия. Их стабильность во многом определялись достаточно длительным периодом существования сельской общины и отсутствием широких контактов с русским населением края. Со второй половины XIX в. адыгская сельская община стала утрачивать свое доминирующее значение, и все большее число адыгов устремилось в города на отхожие промыслы или постоянное место жительства. Вместе с тем, традиции взаимной поддержки остались и проявились уже в новых условиях, адаптированных к городской жизни. Общину в городах в определенной степени заменили прихожане мечетей во главе с муллами, которые занимались благотворительной деятельностью и поддержкой своих единоверцев. Позже в работе национальных адыгских негосударственных благотворительных обществ, возникших в начале XX столетия по образцу русских организаций и во многом заимствовавших их опыт, проявлялись элементы традиционного отношения к социальной поддержке соплеменников.

Оценивая эффективность традиционного социального воспитания и социальной поддержки у адыгов в конце XVIII – начале XIX вв., т. е. с начала русской колонизации региона, следует отметить, что она отвечала условиям жизни адыгов в тот временной период и была достаточно эффективной.

Начало проведения либеральных реформ Александром II и последовавшее вскоре окончание Кавказской войны нашли непосредственное отражение в развитии новых форм и методов социального воспитания и социальной поддержки в Кубанском регионе. В этом процессе на Кубани во второй половине XIX столетия можно отметить две основные и в чем-то противоречивые тенденции. Во-первых, здесь, как и в остальной России,

стали получать развитие инновационные подходы: создание негосударственных благотворительных организаций, поиск новых путей помощи бедным слоям населения, борьба с нищенством и бродяжничеством, новые формы работы с сиротами и детьми из неблагополучных семей и т. п. Во многом это явление объяснялось быстрым, особенно в конце XIX в., экономическим развитием области, изменением социального состава населения, когда казачество уже перестало составлять его подавляющую часть.

Во-вторых, вторая половина XIX – начало XX вв. на Кубани характеризовалась увеличением материального достатка в казачьих станичных общинах, их сравнительной обособленностью от остальной части населения и действенными формами самоуправления, что поддерживалось официальными властями. Все это сопровождалось развитием внутриобщинной взаимопомощи в решении разного рода проблем. В этом отношении Кубань, как и ряд других казачьих областей, заметно отличалась от других регионов России, где внутриобщинная помощь в крестьянской среде постепенно теряла свою значимость.

Начало второй половины XIX в. для Кубани было достаточно сложным: поражение России в Крымской войне и новая волна Кавказской войны (она здесь продолжалась до середины 60-х гг. XIX в.). Материальное положение основной массы казачества, хотя несколько и улучшилось по сравнению с 20-ми гг. XIX столетия, но по-прежнему было не стабильным. Впрочем, массовых сборов помощи в пользу обедневших казаков и новых переселенцев здесь уже не проводилось, но в эти годы были известны случаи частных пожертвований в пользу бедных казачьих семей. Так, отец известного полководца М.Д. Скобелева, Д.И. Скобелев – человек не бедный, после завершения службы на Кавказе в должности командира полка (1853–1856 гг.) оставил Кубанскому казачьему войску «капитал в три тысячи рублей для выдачи ежегодного процента из этой суммы (около 200 руб.) ...в пособие одному казачьему семейству, испытывающему крайнюю нужду по бедственному положению или по особым случаям, требующим помощи» [51].

Следует отметить, что общероссийские тенденции в развитии новых форм и методов социальной поддержки и социального воспитания, имевшие место в период «либеральных реформ» 60-х гг. XIX в., достаточно быстро проявились и на Кубани. В Екатеринодаре в 1861 г. было создано негосударственное Женское благотворительное общество, а через несколько лет и Мужское благотворительное общество. Позже они объединились в единое Екатеринодарское благотворительное общество [13]. В эти годы такого рода общества создавались во многих центральных и окраинных регионах России (от Петрозаводска до Тифлиса). Они появились

еще в 30-х гг. (небольшие частные филантропические организации в губернских городах центральной России, причем возглавляли их, как правило, жены высших губернских чиновников). В Екатеринодаре организаторами создания Женского благотворительного общества стали жены старших казачьих офицеров во главе с генеральшей Н.С. Иваниной. В работе этого первого негосударственного благотворительного общества достаточно ярко проявилась региональная специфика. Благотворительницы обратились прежде всего к организации женских учебных заведений и в первые же годы открыли на Кубани 7 женских училищ, как в городах, так и в крупных станицах. В официальных документах главной задачей этого Общества было распространение просвещения, а не помощь нуждающимся. В отличие от благотворительных обществ центральной России пожертвования здесь поступали не только от частных лиц, но и от войсковой казны. В 70-е гг. благотворительное общество несколько укрепило свое материальное положение и перестало полностью зависеть от внешних поступлений. Значительная часть средств поступала за счет разного рода благотворительных базаров, любительских спектаклей и иных мероприятий.

Деятельность Екатеринодарского благотворительного общества по открытию женских учебных заведений в определенной степени повторяла просветительскую и воспитательную работу первого на Кубани женского монастыря – Мариинского (открытие в 1849 г.), в котором в 50-е гг. было организовано учебное заведение для девочек, рассчитанное на 200 воспитанниц из бедных казачьих семей. Следует отметить, что монахини заботились не столько об обучении воспитанниц, сколько об их воспитании. В 1861 г. наказной атаман Н.А. Иванов, посетивший монастырь, писал настоятельнице – игуменье Митрофании о том, что монастырское воспитательное заведение, «...проливающее истинный свет скромного образования на 200 питомец ...поставлено высоко... в смысле понимания женщины-матери, достойной этого имени» [51].

С середины 70-х гг. XIX в., кубанским городским властям и негосударственным благотворительным организациям приходилось, помимо содействия народному просвещению, заниматься и другой важной проблемой – непосредственной помощью беднейшим слоям городского населения. Это было связано с тем, что с конца 60-х гг. на Кубань, получившую название Кубанская область, начался приток иногородних: мещан, ремесленников, мелких торговцев, наемных работников, отставных солдат, сезонных рабочих и т. п., т. е. лиц, как правило, нуждающихся в помощи. «Отмена крепостного права и окончание военных действий в Закубанье, а также ряд законов (особенно от 29 апреля 1868 г., разрешавший лицам не войскового

сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях) открыли широкие возможности для заселения Кубани переселенцами из других губерний России».

Отметим, что если в 1861 г. русское неказачье население в области составляло менее 2 %, то уже в 1881 г. их было около 30 %. К 1890 г. число казаков уменьшилось до 48 %, горцы составляли около 7 %, а остальные в большинстве своем были новыми переселенцами (иногородними). Часть из них была в бедственном положении и представляла собой контингент, нуждавшийся в помощи со стороны общества. На протяжении второй половины XIX в. число нуждающихся постоянно возрастало преимущественно за счет приезжих, т. н. «иногородних». Значительную роль в организации помощи этой категории населения в 70–90-е гг. на Кубани, как и во всей России, сыграли, помимо негосударственных благотворительных организаций, органы местного самоуправления. Как известно, Кубанская область относилась к числу казачьих областей, и ее главой был войсковой атаман. В казачьих областях земских органов местного самоуправления не полагалось, вместо них существовали управления отделами (уездами), возглавлявшийся атаманами, которые подчинялись непосредственно войсковому атаману. Однако для кубанских городов было сделано исключение. Согласно реформе городского самоуправления (1870 г.), на Кубани первоначально в двух городах – Екатеринодаре и Темрюке (1874 г.), а затем и в некоторых других были организованы выборные городские думы (местная законодательная власть), которые утверждали городские управы (исполнительная власть) под руководством городского головы. Этим органам (думам и управам) поручалась организация призрения нуждающихся и курирование деятельности всех городских благотворительных организаций. Органы местного самоуправления создавали собственные приюты, богадельни и др., но обычно они взаимодействовали с благотворительными организациями, осуществляли частичное их финансирование.

Такое же положение дел сложилось и в Кубанской области, в частности, в Екатеринодаре, где местные благотворительные общества тесно взаимодействовали с городской управой. Городской управе были также переданы в ведение бывшие войсковые приюты и богадельни. Однако очень большое внимание продолжало уделяться просветительно-учебной деятельности. Если раньше она преимущественно носила общеобразовательный характер, то теперь первостепенное значение получила направленность на профессиональное обучение детей из беднейших семей. К примеру, Екатеринодарским благотворительным обществом в 1881 году в одном из женских училищ был открыт белошвейный класс для девочек, позже профессиональное обучение

в Екатеринодаре было организовано и для мальчиков. Впрочем, подобной образовательной деятельностью для детей из бедных казачьих семей продолжало заниматься и войсковое начальство. В те же годы в Екатеринодаре была открыта специальная военно-фельдшерская школа, готовившая средний медицинский персонал для Кубанского казачьего войска, куда принимались только дети казачьего сословия, причем, предпочтение отдавалось сиротам и детям казаков, погибших на войне. Часть учащихся жила при школе на полном пансионе за счет войсковых средств [13].

В 70-е гг. XIX века в отдельных городах Кубанской области стали активно создаваться небольшие негосударственные благотворительные организации. Инициаторами выступали, как правило, представители либерально мыслящей интеллигенции, что во многом определяло не только филантропическую, но и просветительскую направленность деятельности подобных обществ. В качестве примера можно привести Благотворительное общество пособия бедным, созданное в конце 80-х гг. в Сочи Е.П. Майковой, и Общество попечения о детях, организованное в Армавире общественным деятелем В.И. Луниным. При непосредственном участии Е.П. Майковой было создано Общество пособия бедным, занимавшееся, в основном, выдачей единовременных денежных пособий, а также дешевая столовая. Кроме того, Е.П. Майкова участвовала в организации благотворительных спектаклей и народных гуляний, «выручка» от которых поступала на поддержку нуждающихся. По-иному подходил к пониманию решения проблемы благотворительности известный кубанский общественный деятель, впоследствии депутат I Государственной думы В.И. Лунин (1843–1913 гг.). Выходец из бедной офицерской семьи, он поступил в Петербургский университет, откуда был исключен за революционную пропаганду. В.И. Луниным были организованы:

- воскресная школа (с целью просвещения рабочих), которая позже стала центром революционной агитации;
- бесплатная юридическая консультация для рабочих с целью отстаивания их прав;
- общедоступная библиотека с книжным складом, которая впоследствии была закрыта властями за наличие антиправительственной литературы).

Таким образом, в деятельности этих двух негосударственных благотворительных организаций достаточно ярко отразились два подхода к благотворительности, характерные для кубанской либеральной интеллигенции. Однако главным общественным делом В.И. Лунина стало создание Армавирского Общества попечения о детях, председателем которого он был около 20 лет. Деятельность этого Общества была прогрессивна, поскольку в ней одновременно отразились несколько направлений благотворительной

деятельности. В уставе этой организации декларировалось, что она снабжает детей продуктами и другими материальными средствами; организует бесплатную медицинскую помощь; помещает детей в дома призрения, устраивает первоначальные (начальные) школы, ремесленные, сельскохозяйственные и иные училища. Первым делом Общества стало открытие приюта для детей-сирот. Однако достаточно скоро он был закрыт, и Общество переключилось на просветительскую деятельность. За 8 лет Обществом было открыто 5 начальных школ (с частично бесплатным обучением и обеспечением детей из бедных семей), женская прогимназия (1901 г.).

Кроме того, в начале XX века Обществом устраивались многочисленные выставки, экскурсии, кинематографические сеансы, концерты. Также была открыта общедоступная детская площадка, при которой был создан детский отряд по изучению природы. Таким образом, основной задачей Общества попечения о детях стало распространение образования, преимущественно общего. Более того, проводившееся в его учебных заведениях воспитание и обучение (особенно для подростков) имело явную политическую окраску. Современники отмечали, что в первое десятилетие XX в. просветительские учреждения Армавирского Общества попечения о детях «были почти целиком ячейками РСДРП» [53].

Дадим характеристику характерной для Кубанской области виду социальной поддержки, как внутриобщинная (станичная) взаимопомощь. На Кубани, в отличие от значительного большинства регионов России, в среде казаков во второй половине XIX – начале XX вв. она не только не ослабла, но и окрепла. Кроме того, ее функции расширились и сводились не только к материальной поддержке нуждающихся казаков, но и социальному воспитанию тех из них, кто совершал асоциальные поступки. Объяснялось это двумя основными причинами:

- во-первых, материальное положение кубанского казачества как особой и достаточно обособленной социальной группы от остальной части населения во второй половине XIX – начале XX вв. заметно упрочилось. Казачьи станичные общины владели значительными земельными наделами (частной собственности на землю у казаков не было), что в условиях окончания длившейся в течение 50 лет Кавказской войны дало возможность значительно укрепнуть казачьим хозяйствам. Таким образом, общины оказывали значительную материальную поддержку членам общин;

- во-вторых, власти всячески поддерживали функционирование казачьей общины, видя в ней основу существования казачества как специфической социальной группы, готовой оказать мощную поддержку, как в случае внешних войн, так и внутренних беспорядков. По этой причине станичные

собрания и правление во главе с атаманом обладали достаточной административной властью, которой эффективно пользовались в случае необходимости использования различных видов социальной поддержки, в том числе и принуждения отдельных казаков к нормальной социальной жизни [16].

К специфике внутриобщинной социальной поддержки у казаков следует отнести то обстоятельство, что большинство станичников знало истинные причины обнищания какого-либо казачьего семейства: было ли оно связано с гибелью главы семьи или каким-нибудь несчастным случаем или обусловлено пьянством отдельных казаков. В обоих случаях принимались соответствующие меры, иногда и принудительные, вплоть до лишения части имущества и физических наказаний нерадивых казаков.

Дадим характеристику формам внутрестаничной социальной помощи у кубанских казаков во второй половине XIX – начале XX вв. К ним относились традиционные для сельской общины формы поддержки: помощь семьям, лишившимся кормильцев, общественные строительные работы, выполнявшиеся для отдельных хозяйств, выделение части урожая самым бедным семьям из специального фонда и т. п.

Кроме того, станичное правление осуществляло и другие формы социальной поддержки. Одиноких и больных стариков отдавали в приюты, оплачивая их содержание. Детям-сиротам назначались опекуны, которые были обязаны управлять имуществом этих детей и при этом давать об этом отчет станичному сходу. Практиковались и иные специфические формы поддержки сирот, причем они осуществлялись не официально, а по решению станичного схода. Так, например, в случае неподобающего поведения вдовы ее могли, используя современный термин «лишить материнских прав», а детей и унаследованное ими имущество передать под опеку кого-либо из родственников или почитаемых в станице казаков. Такая мера осуществлялась и в том случае, если вдова-казачка повторно выходила замуж за иногороднего. Вместе с тем, если у не вышедшей замуж вдовы-казачки появлялись незаконнорожденные дети, то они приписывались к казачьему сословию и пользовались всеми правами.

В 1893 г. порядок опекуинства казачьих детей был регламентирован специальным распоряжением войскового начальства. Станичными сходами должны назначались сразу три опекуна по имущественным делам сирот: один – собственно по движимому и недвижимому имуществу и двое – по денежным суммам. Сиротские деньги не отдавали в банки под проценты, а хранили «на руках». Это мотивировалось сравнительно малым годовым процентом и тем, что суммы выгоднее было ссужать своим станичникам под более высокие проценты. Деятельность самих опекунов также оплачивалась из средств станичного правления, как правило, весьма скудно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внутривостаночная социальная поддержка была достаточно эффективной, особенно в отношении профилактики обнищания и борьбы с различными бытовыми пороками, приводящими к бедности. Можно предположить, что частично это обеспечивалось применением традиционных казачьих мер наказания, которые были неприемлемы для гуманистически настроенных филантропов из городских благотворительных обществ Кубанского региона. Вместе с тем, процентное соотношение числа казачьего населения Кубани и иногородних постепенно уменьшалось, и объектами социальной помощи становились, как правило, пришлые, бродяги и нищие, обладавшие особой ментальностью, глубоко отличной от казачьей [16].

Что касается черкесской части населения Кубанского региона, то у них и во второй половине XIX столетия продолжали доминировать внутривостаночные и иные формы социальной поддержки. Связано это было с тем, что подавляющее число горского населения, несмотря на расширение контактов с русскими, продолжало вести традиционный образ жизни. Лишь небольшая часть адыгов, как правило, из богатых семей, в этот период переселялась в города. Даже так называемые черкесо гаи (потомки средневековых армян, переселившиеся на Кубань несколько столетий назад и перенявшие многие элементы горской культуры, включая язык), которые образовали несколько компактных поселений на русской территории (в том числе и селение Армавир), в своей повседневной жизни до начала XX в. придерживались местных обычаев и традиционных адатов, в том числе и в сфере социальной поддержки.

Церковная помощь нуждающимся, которая, за исключением деятельности двух крупных монастырей (мужской Екатеринолебяжский Николаевский и женский Мариинский), не получила достаточно широкого распространения в Черномории в первой половине XIX в., не играла значимой роли и во второй половине этого столетия. Хотя здесь продолжали существовать училища, богадельни и странноприимные дома, основная часть работы по поддержке неимущих легла в этот период на светские общественные благотворительные организации и органы местного самоуправления. В 70-е гг. XIX в. Екатеринолебяжский монастырь утратил статус войскового и количество монахов в нем уменьшилось, поскольку официально он уже не выполнял функции призрения старых, больных и одиноких казаков.

Таким образом, можно отметить, что во второй половине XIX столетия произошли существенные изменения в деле организации поддержки нуждающихся, связанные как с общероссийскими тенденциями в этой сфере,

так и со спецификой социальной жизни кубанского населения. Представляется возможным выделить следующие основные субъекты и направления социальной поддержки, которые существовали в этот период:

1. Негосударственные благотворительные общества, возникшие в городах Кубанской области с 60-х гг. XIX в. Их деятельность часто носила просветительский характер и была направлена на развитие общего и специального образования: создание начальных и средних училищ (особенно женских), специальных классов профессионального обучения, чтение общедоступных лекций, открытие библиотек и т. п. Вместе с тем, эти общества оказывали и материальную поддержку детям из бедных семей, организовывали приюты, выдавали единовременные денежные пособия, распределяли частные пожертвования.

2. Органы местного самоуправления, созданные в некоторых кубанских городах в 70-е гг. XIX в., брали на себя функции координации социальной помощи в своих в тесном сотрудничестве с благотворительными обществами и частичном их финансировании (плата за содержание и обучение сирот в приютах). Помимо того, городские управы, как правило, содержали богадельни, ночлежные и работные дома и т. п.

3. Станичные казачьи общества занимались внутриобщинной поддержкой и профилактикой обнищания среди казаков своих станиц. В основном превалировали традиционные формы взаимной поддержки в сельской общине, а также различные виды наказаний за антисоциальное поведение, приводившее к обнищанию.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие: Спирина В.И., Спирина М.Л. Очерки истории социальной работы на Кубани – Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.

2. Дайте характеристику деятельности благотворительных обществ, действующих на Кубани (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Тема 4 К.В. Россинский – просветитель и организатор социальной помощи в Черномории

План

1. Личность войскового протоиерея Кирилла Васильевича Россинского.
2. Роль К.В. Россинского в становления народного просвещения и благотворительности.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ: НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Спирина, В. И. Очерки истории социальной работы на Кубани / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.
4. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

Личность войскового протоиерея Кирилла Васильевича Россинского (1776–1825 гг.) занимает уникальное место в истории Кубани первой четверти XIX в. Им была проделана большая работа по просвещению казачьего населения и организации в Черномории различных новаторских для своего времени форм социальной помощи. Известный кубанский историк Ф.А. Щербина писал, что по своим нравственным качествам и практической просветительской работе Россинский в Черноморском войске был один [61].

По своим убеждениям и нравственности К.В. Россинский являлся необычной личностью, характерной для передовых просвещенных людей Александровской эпохи. Известно, что он родился на год раньше императора Александра I и умер в один год с ним. Интересно то, что преобразования К.В. Россинского в сфере обучения, равно как и либерально-просветительские реформы Александра I, в период правления Николая I были признаны нецелесообразными. Так, например, гимназия в Екатеринодаре, открытия которой удалось добиться в 1819 г. именно Россинскому, при Николае I была признана излишней для казачьей столицы и вскоре понижена в ранге до уездного училища. На долгие годы оказались забытыми и другие просветительно-благотворительные замыслы войскового протоиерея.

Кирилл Васильевич Россинский родился в 1776 г. в г. Новомиргороде Херсонской губернии в семье священника. После окончания Екатеринославской духовной семинарии К.В. Россинский некоторое время преподавал в этом учебном заведении «российскую словесность» и до 1803 г. служил в Таганроге и Ростове-на-Дону. В 1803 году им был получен церковный сан протоиерея, т. е. старшего священника, и он был переведен на должность протоиерея Черноморского казачьего войска – главного священнослужителя этой области. Свое священническое служение Россинский начал в возрасте

26 лет. Именно здесь во всей полноте проявилась просветительская и благотворительная деятельность К.В. Россинского.

Чтобы оценить мировосприятие и поступки этого необыкновенного человека, остановимся на общих настроениях, присущих наиболее прогрессивным и образованным людям России начала XIX столетия. Эпоха начала правления Александра I, воспитанного в духе сентиментального либерализма и гуманизма, характеризовалась широким распространением такого рода веяний в среде образованной молодежи. Однако вполне устойчивыми оставались и убеждения эпохи Просвещения, согласно которым посредством образования («просвещения») возможно было сформировать у человека все возможные «добродетели». Подобные идеи нашли отражение и в среде образованного духовенства. Таким образом, в среде образованной молодежи первой четверти XIX в. существовали устойчивые надежды на то, что гуманный подход к людям и, соответственно, их «просвещение» способны заметно улучшить как природу человека, так и социальные отношения в обществе.

Именно этой причиной, хотя и не только, объясняются многие явления общественной и государственной жизни России начала XIX столетия: создание системы народного просвещения во главе с Министерством народного образования; появление полугосударственного, а не чисто «казенного» Императорского человеколюбивого общества и других общественных организаций; создание негосударственной прессы, главным образом, периодических журналов, в которых дискутировались многие острые для своего времени актуальные проблемы и т. п. Однако радикально-революционные настроения здесь отвергались, а главенствовали надежды на «исправление дел человеческих» за счет просвещения народа и гуманного подхода к людям. Все эти настроения, несшие в себе утопические оттенки, нашли отражение в мировоззрении священника Кирилла Россинского, когда он начинал свое служение в Черноморском казачьем войске.

В этот временной период образованных и подготовленных к просветительской деятельности людей в администрации Черномории (фактически в Войсковой канцелярии) было крайне мало. Достаточно отметить, что в первой четверти XIX в. Россинский был единственным представителем духовенства в Черномории, который имел среднее образование. Он был значительно выше той административно-служилой среды, в которой ему пришлось вращаться всю свою жизнь. По этой причине Россинскому, исполнявшему обязанности главного войскового священника, пришлось занимать и другие должности, связанные с распространением просвещения и социальной поддержки. Отметим, при этом он пользовался определенной поддержкой со стороны войскового начальства, и его деятельность

в какой-то период времени вполне отвечала общегосударственной политике в этой области. Перечислим лишь некоторые результаты деятельности войскового протоиерея за 22 года его пребывания в Черномории: открытие 27 приходских церквей в г. Екатеринодаре и станицах; создание при некоторых из них церковно-приходских училищ; организация уездного училища, а затем и гимназии в Екатеринодаре с пансионом для детей-сирот и непосредственное руководство ими; создание Екатеринодарского духовного училища, где Россинский некоторое время занимал должность смотрителя; организация войскового хора и пр.

В 1815 г. К.В. Россинским был опубликован учебник для народных школ «Краткие правила русского правописания» в Харьковском университете, который возглавлял всю образовательную деятельность в учебном округе, куда входила Черномория. За свою деятельность на ниве народного просвещения Россинский был избран почетным действительным членом Харьковского университета. В 1821 г. он стал членом-корреспондентом Императорского человеколюбивого общества. К.В. Россинский был награжден несколькими церковными знаками отличия (нагрудный крест и др.), а также орденом Св. Владимира IV степени. Это была достаточно высокая награда: мирянам она давала право потомственного дворянства. Вместе с тем, служебная деятельность К.В. Россинского, особенно в области народного просвещения, была связана с многочисленными трудностями, в конце жизненного пути по клеветническим доносам он лишился всех должностей и испытывал большую нужду.

Обратимся к его просветительской деятельности, неразрывно связанной с социальной поддержкой детей из бедных семей. В 1806 г. К.В. Россинский был назначен смотрителем Екатеринодарского училища, и эту должность он исполнял в течение 14 лет без получения жалования, довольствуясь содержанием войскового протоиерея. Его педагогическое жалование – 300 рублей в год шло на содержание училища. Личная благотворительность Россинского не ограничилась перечислением своего денежного содержания в поддержку руководимого им учебного заведения. Он также помогал 12-ти беднейшим ученикам, вдовам и сиротам, истратив на эти цели несколько тысяч рублей, хотя был далеко не богатым человеком.

В ходе организации обучения в Екатеринодарском училище, а затем и в гимназии, К.В. Россинскому пришлось столкнуться с большими трудностями:

1. Отсутствие должного финансирования и необходимость постоянного сбора частных пожертвований. Вышестоящая структура народного образования – Харьковский учебный округ – практически не занимался финансированием учебных заведений, а ограничивался рассылкой различных

циркуляров и распоряжений, которые, в силу специфики края, зачастую невозможно было выполнить, не хватало необходимых учебных пособий. Деньги из Войсковой канцелярии также не могли полностью удовлетворить запросы учебных заведений. К.В. Россинскому приходилось постоянно изыскивать средства для закупки новых учебных пособий, для оплаты труда учителей и содержания сиротского пансиона и т. п. Пожертвования на содержание Екатеринодарского училища, а впоследствии и гимназии, делались в основном войсковым старшиной, и в 1806 г. Александр I выразил войсковому атаману Бурсаку особое монаршее «благоволение за заботы о просвещении войска».

В ходе организации Екатеринодарской войсковой гимназии (1819 г.) сбор средств на это важное мероприятие официально было поручено вновь назначенному директору К.В. Россинскому. Примечательно, но он сумел за год собрать около 12 000 рублей, а остальные жертвователи собрали сумму, в 10 раз меньшую. Принимались новым директором и нестандартные меры по сбору денег. Так, один из жертвователей подарил в собственность гимназии дом, который был разыгран в лотерею, а полученные деньги пошли на поддержку народного образования. Часть училищных сумм также отдавалась в долг под проценты, что также служило источником доходов.

2. Другой серьезной трудностью, с которой столкнулся К.В. Россинский, стала приверженность казаков к традиционным способам обучения грамоте своих детей и нежелание отдавать их на несколько лет в казенные учебные заведения. В Черномории сохранились формы обучения казачат письму и чтению у так называемых «мастеров грамоты»: дьяконов, дьячков и других полуграмотных людей. Такое обучение за небольшую плату велось с применением самых варварских методов: битья розгами нерадивых учеников, постановкой голыми коленями на крупную соль и т. п. Качество такого обучения было очень низким: ученики могли только читать, писать и производить простейшие арифметические действия. Ни о каком «нравственном» воспитании в духе идеологии Просвещения и формировании у детей соответствующих «добродетелей» не было и речи.

Однако родители казачат таким обучением были весьма довольны. Выучившись за год читать и писать, юный казак мог рассчитывать впоследствии на получение офицерского звания или места писаря в Войсковой канцелярии, что многим представлялось более перспективным, чем служба в линейных частях на черкесской границе. Кроме того, производство в чины начиналось у таких унтер-офицеров с раннего возраста, и они вполне могли обогнать по службе своих сверстников, которые «потеряли» несколько лет,

обучаясь в училище или гимназии. Учитывая это обстоятельство, при Войсковой канцелярии была образована «школа грамотности», где юные казаки обучались грамоте у чиновников и одновременно перенимали у них нравы бюрократического учреждения.

Подобное негативное отношение к созданной в начале века многоступенчатой системе образования (училище – гимназия – университет) отмечалось и в центральной России, в том числе у дворянства. Попадание на службу в раннем возрасте многим гарантировало быстрый рост в чинах, начинавшийся раньше у тех, кто не «тратил» годы на обучение в гимназиях и университетах. Против такого положения дел выступил К.В. Россинский. В частности, по его рекомендации с 1812 г. был запрещен прием в Войсковую канцелярию лиц, не имевших аттестата об окончании Екатеринодарского училища. Решение об этом приняла не сама Войсковая канцелярия, а старший воинский начальник – военный губернатор Новороссии Э. Ришелье. Впоследствии несколько государственных училищ, выпускники которых также могли претендовать на канцелярскую службу, были открыты в некоторых станицах. К 1825 г. в крае их насчитывалось 11 (в большинстве своем, по типу приходских), а также Екатеринодарская гимназия, в открытии которых принимал участие К.В. Россинский. Кроме того, власти стали всячески преследовать самодеятельных «учителей грамоты» в станицах.

Боролся К.В. Россинский и с обучением грамоте будущих писарей в Войсковой канцелярии. Он неоднократно обращал внимание войскового атамана на то, что такие учителя внушали своим ученикам «недоверчивость» к официальной государственной школе, т. е. отрицали ее ценностные приоритеты, ставили под сомнение методику обучения. Чиновники канцелярии, в свою очередь, обвиняли К.В. Россинского в том, что в его гимназии отсутствует строгая дисциплина и к детям относятся слишком мягко. В результате К.В. Россинский добился своего и занятия в Войсковой канцелярии были прекращены, а дети разосланы в учебные заведения по месту жительства. Однако своими действиями он основательно испортил отношения с чиновниками канцелярии» [51].

Непростые отношения сложились у К.В. Россинского и с Комиссией духовных училищ в Екатеринославе, которая ведала делами Екатеринодарского духовного училища, созданного самим Россинским. Эти противоречия во многом были порождены инициативностью и самостоятельностью К.В. Россинского в деле организации учебного процесса, его прямыми обращениями и жалобами в высшие церковные инстанции, минуя епархиальных чиновников. Дело дошло до того, что Екатеринодарское духовное

училище по требованию епархиальных чиновников было закрыто и вновь возобновило свою деятельность только через несколько лет, когда Черномория перешла в ведение Астраханской епархии.

Эти обстоятельства заметно тормозили развитие народного образования в Черномории. К.В. Россинскому приходилось считаться и с невежеством его современников, влиятельных чиновников и с равнодушием людей, задавленных нуждою и тяжестью военной службы, и с казуистикою канцелярских писак, и с противоречивыми распоряжениями высшей учебной администрации. Однако К.В. Россинский за 20 лет служения в Черномории успел сделать очень многое. Достаточно отметить, что на свои поездки по училищным, благотворительным и войсковым делам он истратил около 18 000 рублей собственных средств. В начале 20-х гг. XIX в. система учебных заведений в Черномории выглядела почти образцовой с учетом всех трудностей освоения этого края, начавшегося около 30-ти лет назад, и в этом была огромная личная заслуга К.В. Россинского. Примечательного, что в первой четверти XIX в. на территории вновь созданного и сравнительно небольшого Черноморского казачьего войска число учебных заведений в несколько раз превосходило число училищ, расположенных в другой казачьей области Войска Донского, более многочисленной, существовавшей уже несколько столетий.

К сожалению, конец жизни К.В. Россинского был сопряжен со многими трудностями. Чиновники Войсковой канцелярии, которым фактически подчинялась вся гражданская часть Черномории и которые находились в затяжном конфликте с войсковым протоиереем, по ложному доносу возбудили в 1823 г. против него судебное следствие по якобы имевшим место финансовым злоупотреблениям. Официально обвинение против Россинского так и не было выдвинуто, однако он лишился всех должностей и остался фактически без средств к существованию.

Все свое небольшое состояние К.В. Россинский истратил на развитие образования и благотворительность. По этой причине он «влез долги» на несколько тысяч рублей, которые так и не смог вернуть. Просьба К.В. Россинского о выплате ему 5 000 рублей, истраченных из личных средств на общественные нужды, была оставлена Войсковой канцелярией без ответа. Умер войсковой протоиерей, директор гимназии, смотритель Духовного училища, почетный член Харьковского университета, член-корреспондент Императорского человеколюбивого общества, получивший немало церковных и государственных наград, в глубокой нищете. Похоронен он в левом приделе Екатеринодарского собора.

Не простой оказалась и судьба основанных К.В. Россинским учебных заведений. Через несколько лет после смерти К.В. Россинского основанная им гимназия была понижена в статусе, а многие станичные училища закрыты. Примечательно, что Харьковский учебный округ, по инициативе которого происходило закрытие учебных заведений, ссылался на отсутствие достаточного количества учащихся, что не всегда соответствовало истине.

Однако развитие системы образовательных учреждений, хотя достаточно медленно и неровно, продолжалось и после смерти К.В. Россинского. По словам исследователя истории Кубанского казачьего Войска Ф.А. Щербины, то, что делал он один, начали мелочами созидать другие. Примечательно то, что инициатива воссоздания старых и открытия новых училищ на Кубани шла «снизу», зачастую от бывших учеников и соратников К.В. Россинского и активно поддерживалась войсковыми атаманами Н.С. Заводовским и его преемником Г.А. Рашпилем.

Следует отметить, что Министерство народного просвещения и Харьковский учебный округ относились к подобным проектам достаточно равнодушно. Тем не менее, к середине XIX века в Черномории снова появилась гимназия, была возобновлена деятельность большинства закрытых станичных училищ и организованы новые училища. Таким образом, усилия К.В. Россинского по организации сети учебных заведений в Черномории не прошли даром.

Оценивая педагогическую и тесно связанную с ней благотворительную деятельность К.В. Россинского, следует отметить, что этот человек в чем-то опережал свое время, а в чем-то излишне увлекался утопическими идеологизированными проектами, не учитывавшими конкретные социальные условия жизни Черномории. Он не находил понимания в среде современников. Этим во многом и объясняются конфликты, возникшие между К.В. Россинским и чиновниками Войсковой канцелярии, а также епархиальными служащими. Будучи увлеченным идеями эпохи Просвещения и гуманизма, он верил, что распространение просвещения и воспитание добродетелей у юных казаков позволят решить многие социальные вопросы, помогут смягчить крутые нравы потомков запорожцев, цивилизовать край и установить мирные отношения с черкесами. Кроме того, проявление милосердия и осуществление помощи ближнему (особенно детям для получения ими хорошего для своего времени образования) должно было способствовать социальному воспитанию людей, вырабатывать у них чувство сострадания, желания прийти на помощь другому человеку. Эти убеждения К.В. Россинского имели прочную религиозную основу, вполне отвечающую пониманию миссии

христианского пастыря, характерного для наиболее образованного духовенства России начала XIX столетия. Такое мировоззрение и убежденность объясняют абсолютно бескорыстную деятельность К.В. Россинского в сфере распространения просвещения и благотворительности.

Отметим, что многие современники войскового протоиерея видели в образовании, как правило, чисто практическую его составляющую: грамотные казаки могли быстрее продвинуться на военной и гражданской службе. Однако излишнее пребывание в учебном заведении и изучение отвлеченных наук (особенно гуманитарных), не находивших прямого применения в повседневной казачьей и чиновничьей жизни, по мнению оппонентов К.В. Россинского, затрудняло карьерный рост и могло внушить юному казаку опасное направление мыслей. Кроме того, новаторские идеологические приоритеты и новые для своего времени научные сведения зачастую вступали в противоречие с традиционной «служилой» ментальностью казаков и чиновников. Этими причинами во многом объясняется непонимание, а порой и противодействие, оказывавшееся К.В. Россинскому в его просветительской работе, в результате приведшее к краху многих замыслов выдающегося просветителя.

Вместе с тем, нельзя считать К.В. Россинского оторванным от жизни идеалистом, не отдававшим отчета в реальном положении дел в Черномории и пытавшимся ориентироваться на утопические мечтания. Человек своего времени, он хорошо представлял реалии окружающего мира и вел просветительскую работу в соответствии с ними. Об этом свидетельствуют многие практические результаты деятельности К.В. Россинского: открытие сети учебных заведений, конкретные благотворительные мероприятия, сборы крупных пожертвований на развитие народного просвещения и социальной поддержки.

Войсковой протоиерей Кирилл Васильевич Россинский стал одной из самых ярких личностей первого периода освоения Кубани. Его заслуги в деле становления народного просвещения и благотворительности в крае трудно переоценить, а педагогическое наследие К.В. Россинского нуждается в дальнейшем исследовании.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие: Спирина В. И., Спирина М. Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.
2. Дайте характеристику просветительской и благотворительной деятельности К.В. Россинского.

Тема 5 В.И. Лунин – просветитель и организатор образовательных и культурно-просветительских учреждений в Армавире в конце XIX – начале XX вв.

План

1. Основные предпосылки, определившие политические и социально-педагогические воззрения В.И. Лунина.
2. Деятельность В.И. Лунина по организации образовательных и культурно-просветительских учреждений в Армавире в конце XIX – начале XX вв.

Литература

1. Балугев, Б. П. Страницы жизни и деятельности революционера-демократа В.И. Лунина / Б. П. Балугев // История СССР. 1959. № 6. С. 129–134.
2. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918) / С. Н. Ктиторов. Армавир, 2002. 384 с.
3. Лунин, В. И. Автобиографический очерк / В. И. Лунин // М. Михайлов. Виктор Игнатьевич Лунин. Политический и общественный деятель. Армавир, 1917. С. 6–9.
4. Михайлов, М. (Доронович М.Ф.). Виктор Игнатьевич Лунин. Политический и общественный деятель / М. Михайлов. Армавир, 1917. 59 с.
5. Сушков, А. В. Социально-педагогическая деятельность В.И. Лунина в Армавире в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.

В России на рубеже XIX–XX вв. заметно активизировалось создание многочисленных частных и общественных образовательных учреждений, что благотворно отразилось на всем процессе социального воспитания как в стране в целом, так и особенно в ее отдельных регионах. На Кубани одним из самых известных организаторов подобных структур стал В.И. Лунин, развернувший работу по созданию учебных заведений и центров внешкольного воспитания в конце XIX – начале XX вв. в г. Армавире, в то время одном из самых крупных и быстро растущих населенных пунктов в Кубанской области.

В.И. Лунин родился в 1843 г. в семье подпоручика, который происходил из крепостных, долгое время служил рядовым и унтер-офицером и, в конце концов, получил офицерский чин. Этот чин давал самому офицеру потомственное дворянство. Однако жизнь юного Виктора Лунина была далека от жизни дворянских детей. Жалованье подпоручика было сравнительно невелико, и Лунины жили достаточно бедно. Материальное положение многодетной семьи

заметно ухудшилось после смерти отца в 1848 г. и потери в результате пожара почти всего имущества. Вся семья, по словам самого В.И. Лунина, некоторое время находилась «в состоянии постоянного недоедания» [3, с. 6]. Тем не менее, уже после смерти отца Виктору удалось поступить в Саратовскую гимназию с 7-ми летним сроком обучения. Учился он хорошо, окончил в 1861 г. гимназию первым учеником и здесь же приобрел свой первый педагогический опыт (занимался репетиторством).

Вторую половину 50-х гг. XIX в., когда В.И. Лунин еще учился в гимназии, можно назвать наиболее «романтическим» временем этой эпохи. Страна жила ожиданиями реформ, и предлагались самые различные подходы к такому реформированию. Не вызывает сомнения, что молодой и талантливый юноша Виктор Лунин в последних классах гимназии успел ознакомиться с основными идеями, выдвигавшимися представителями передовой русской интеллигенции. Однако положение дел заметным образом изменилось в 1861 г., в год приезда В.И. Лунина в Петербург и его поступления на математический факультет Санкт-Петербургского университета, куда как лучший выпускник гимназии мог поступить без экзамена. Как известно, в феврале этого года был оглашен царский манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей...».

Именно на этот год пришлось первые в России серьезные студенческие волнения, охватившие почти все университеты страны, но принявшие особенно яркий характер в Петербурге. Сам Лунин в этих волнениях активного участия не принимал, поскольку только что приехал в Петербург. Однако впоследствии он достаточно активно включился в общественную студенческую жизнь. Не вызывает сомнения, что он пользовался высоким авторитетом у однокурсников за личную близость к одному из кумиров демократически настроенного студенчества – Н.Г. Чернышевскому. В 1864 г. Лунин был отчислен из университета за активное участие в протесте против исключения одного из вожаков студенческого демократического движения, будущего известного путешественника Н.А. Миклухо-Маклая.

Второй этап студенческой жизни Виктора Лунина пришелся на 1866 – 1869 гг. В это время он обучался в Московской Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии. В первый же год обучения его пытались отчислить из академии, по словам самого Лунина, «за организацию протеста против вмешательства директора во внутреннюю жизнь студенчества» [1, с. 130]. Ещё одним событием в жизни В.И. Лунина во время обучения в Академии стала встреча в 1869 г. с Сергеем Нечаевым. Следует отметить, что В.И. Лунин не поддавался уговорам Нечаева вступить в его

подпольный кружок. В том же 1869 г. из-за недостатка средств В.И. Лунин был вынужден оставить Петровско-Разумовскую академию, так и не закончив ее. Он отправился в Петербург, где вскоре был арестован по делу Нечаева и провел свыше полутора лет в тюрьме за «недоносительство», но был оправдан по суду и выпущен на волю. Однако как личность неблагонадежная, В.И. Лунин был отдан под надзор полиции.

После его освобождения в 1871 г. из Петропавловской крепости Виктор Игнатьевич выезжает в следующем году в Харьков. После непродолжительной работы в одной из лабораторий Харьковского университета Лунин был уволен оттуда за политическую неблагонадежность. В 1873 г. он переезжает в поселок Туапсе на Кубани, где вступает в трудовую сельскохозяйственную артель, созданную молодыми образованными людьми.

Подобные организации, объединявшие, главным образом, демократически мыслящих молодых людей, стали появляться в России с начала 60-х гг. XIX в. Они во многом создавались по образцу фурьеристских ассоциаций – фаланстеров, существовавших в те же годы в некоторых странах Европы и в США. Идея трудовых артелей поддерживалась и Н.Г. Чернышевским. Создание трудовых артелей, особенно сельскохозяйственных, преследовало сразу несколько целей: обеспечение возможности жить только за счет собственного труда без эксплуатации других людей; достижение гармонического развития личности за счет физического труда, сочетавшегося с интеллектуальным самообразованием; воплощение на практике концепции хозяйственного превосходства свободного коллективного труда; помощь крестьянам-соседям как путем примера создания «идеального» хозяйства, так и путем распространения передовых сельскохозяйственных технологий, а также пропаганды социалистического учения в целом. Однако через несколько лет она разорилась, а ее члены оказались под судом за долги. Впрочем, талантливый и постоянно занимавшийся разносторонним самообразованием В.И. Лунин сумел блестяще выиграть дело в мировом суде.

Этот опыт позволил В.И. Лунину заняться впоследствии адвокатской практикой в роли частного поверенного. Этот вид деятельности мотивировался, главным образом, стремлением помочь простому народу, с жизнью которого Лунин сумел хорошо познакомиться. Вместе с тем, пребывание в артели и последующая адвокатская практика позволили В.И. Лунину получить определенный практический жизненный опыт выстраивания правильных отношений с властью и представителями общественности. Впоследствии именно этот практический опыт ведения различных дел заметно помог ему при организации в Армавире различных общественных структур и обеспечении их эффективного функционирования.

В.И. Лунин прожил в Армавире с небольшими перерывами свыше 30-ти лет (с 1880 по 1911 гг.). Общественная деятельность В.И. Лунина включала в себя две основных и тесно связанных между собой составляющих: политическую и просветительскую, причем первая стала очень значимой в период революции 1905–1907 гг. Лунин избирался депутатом Первой государственной думы, опубликовал много статей политической направленности, активно сотрудничал с представителями различных революционно-демократических партий. Однако активная политическая деятельность не помешала Лунину заниматься и народным просвещением.

Почти сразу же по приезду в Армавир В.И. Лунину пришлось заниматься различными общественными делами. Только один их перечень вызывает огромное уважение к этому человеку. Так, по инициативе или при непосредственном участии В.И. Лунина в Армавире за 30 лет были созданы и успешно работали:

- общественный клуб (Общественное собрание), который фактически объединял передовую интеллигенции города. Здесь проводились самодеятельные спектакли, литературные вечера, занимались благотворительностью и т. п. Следует отметить, что В.И. Лунин в течение долгих лет не только руководил клубом, но и организовывал финансовое обеспечение его деятельности;

- первый в Армавире православный храм (до этого здесь существовал только армяно-григорианский храм), который объединил в своем приходе многих иногородних. Причем Лунин был членом приходского совета;

- Общество попечения о детях, образованное в 1890 г. с целью оказания всесторонней помощи детям дошкольного и школьного возраста. В уставе Общества говорилось, что оно: «снабжает детей одеждою, пищею и другими материальными средствами; организует для них бесплатную медицинскую помощь; помещает детей в существующие дома призрения, приюты и учебные заведения; устраивает свои дома призрения, первоначальные школы, ремесленные, сельскохозяйственные и иные училища». Непосредственной деятельностью объединения руководил выборный Комитет, который возглавил В.И. Лунин, занимавший эту ответственную должность более 20 лет. Общество попечения о детях стало главным делом жизни Виктора Игнатьевича и благодаря ему получило широкую известность далеко за пределами Кубанской области. Первым шагом деятельности общества явилось открытие в июне 1891 г. приюта для бедных детей. Однако это полезное учреждение просуществовало недолго, и главной задачей общества становится забота о развитии образования [2].

Обществом попечения о детях курировалась работа целой сети негосударственных учебных заведений: от нескольких воскресных школ для рабочих и приказчиков до женской гимназии. По воспоминаниям современников, в Армавире только одно Общество попечения о детях действовало в интересах всех классов, всех сословий и состояний без различия вероисповедания и национальной принадлежности;

- достаточно крупная общедоступная библиотека и музей наглядных пособий, ставший фактически краеведческим;

- больница для бедных Ф.Ф. Довжиковой, названная так по имени богатой благотворительницы, занимавшейся ее финансированием;

- бесплатная юридическая консультация для рабочих;

- ночлежный дом и т. п.

Кроме того, В.И. Лунин принимал участие в работе различных временных общественных учреждений, например, был членом комиссий по борьбе с эпидемиями и безработицей в 1892 г., когда наблюдалась массовая миграция на Кубань голодавшего населения Центральной России и Поволжья, – отмечает библиограф Лунина [4, с. 46].

Главной заслугой В.И. Лунина в Армавире стало создание Общества попечения о детях и относящихся к нему детских образовательных и просветительских учреждений. Следует, однако, заметить, что в Армавире В.И. Луниным первоначально была организована церковно-приходская школа при первом в поселении православном храме (Николаевская церковь, 1893 г.), которая не относилось к Обществу, а напрямую подчинялась духовным властям. Кроме того, им было создано несколько воскресных школ для рабочих, а также аналогичная школа для приказчиков, названная впоследствии именем самого Лунина. Таким образом, его образовательная или, в более широком плане, просветительская деятельность не замыкалась лишь на детях из небогатых семей, а распространялась на различные возрастные и социальные группы населения Армавира. Организованная В.И. Луниным церковноприходская школа при православном храме первоначально была учебным заведением, рассчитанным на несколько десятков детей, где обучение осуществлялось в течение 2-х лет.

Следующими учебными заведениями, возникшими в Армавире по инициативе В.И. Лунина в середине 80-х гг., стали воскресные школы для взрослых, где обучали грамоте представителей бедных слоев населения: рабочих, приказчиков, ремесленников и т. п. Востребованность этих образовательных учреждений объяснялась как стремлением передовой интеллигенции «просвещать» народ так и тем, что быстрое развитие индустриального производства и торговли требовало хотя бы элементарной грамотности даже низшего персонала.

Важнейшей заслугой Лунина в деле организации системы образования в Армавире стало создание в поселении 5-ти народных начальных училищ и женской прогимназии (позднее гимназии), существовавших под эгидой Общества попечения о детях. Первое из таких училищ было открыто 14 сентября 1892 г. «на 2 класса при 100 человек учащихся, с 2 учителями с жалованием по 25 рублей в месяц» [1, с. 14]. Относилось оно к категории «начальных народных училищ», чья деятельность в целом регламентировалась «Положением о начальных народных училищах» 1874 г. и «Инструкцией для двухклассных и одноклассных сельских училищ» 1875 г. Что же должны были представлять из себя подобные учебные заведения?

Уже в 1894 г. в поселении появилось второе двухклассное училище, созданное Обществом попечения о детях, а в начале XX в. – еще три. Их деятельность продолжалась и после смерти Лунина, и к 1916 г. число учащихся достигло 900 чел, а учительское жалование почти утроилось [1, с. 15]. По инициативе Общества попечения о детях и при непосредственном участии В.И. Лунина в Армавире было создано и первое среднее женское учебное заведение – частная прогимназия (2 октября 1901 г.). В 1904 г. прогимназия была преобразована в гимназию и тогда же перешла в специально возведенное для нее новое здание на углу улиц Георгиевской и Садовой. В женской прогимназии внедрялись многие передовые методы обучения. С 1913 г. в актовом зале гимназии стали регулярно устраиваться сеансы научно-просветительского кинематографа, которые посещали учащиеся большинства местных школ, а также вообще все желающие. Одной из распространенных форм внеклассной работы являлись образовательные экскурсии. Вместе с педагогами девочки посещали местные фабрики и заводы, совершали прогулки в рощу. Школьницы побывали с экскурсиями на курортах Кавказских минеральных вод и в Москве.

Следует отметить, что по постановке учебного дела армавирская женская гимназия была одной из лучших в Кубанском регионе, уступая, может быть, только государственной Первой Екатеринодарской женской гимназии. Косвенным подтверждением этому служит наличие в армавирской женской гимназии физического кабинета, стоимость приборов в котором превышала аналогичную стоимость физических приборов почти во всех других женских гимназиях края: государственных и частных. Схожая картина наблюдалась и в отношении другого учебного оборудования.

Организационная работа В.И. Лунина в Обществе попечения о детях в области руководства учебными заведениями была весьма многогранной. Он выполнял сразу несколько общественных функций, к которым относились: согласование открытия и функционирования учебных заведений

с правительственными органами; подбор педагогических кадров; контроль над учебной работой; обеспечение финансирования учебных заведений за счет средств Общества и иных источников и др. Пожалуй, самым сложным из всех этих дел было именно последнее. Сам Лунин по этому поводу писал: «... мы, деятели Общества, особенно я, как председатель, смахиваем на отца многочисленного семейства, не успевающего заработать на один рот, как уже кричит другой «дай есть», или же на одни сутки, как уже надо думать, где бы добыть на другие сутки, когда нет никаких определенных доходов» [4, с. 14].

Обратимся теперь к деятельности просветительских структур, созданных В.И. Луниным в Армавире. Важнейшими из них стали Музей наглядных пособий, открытый в Армавире осенью 1904 г., (на его базе впоследствии был создан современный Армавирский краеведческий музей) и Публичная библиотека с читальней (открыта в 1904 г.). Они были бесплатными для всех посетителей, работали по выходным и содержались за счет Общества попечения о детях.

Армавирское Общество попечения о детях стремилось централизовать учебную и внешкольную деятельность всего города. Для этого Обществом в 1909 г. было создано «Особое совещание по внешкольному образованию и воспитанию учащихся и детей дошкольного возраста» из более пятидесяти педагогов, представителей различных школ. Этой внешкольной организацией регулярно устраивались спектакли, литературные утренники, выставки, экскурсии, маевки, хоры, оркестры и т. п. Все эти мероприятия проводились с участием детей из большинства местных школ. Совещание имело собственный учебный кинематограф, установленный в помещении женской гимназии. Деятельность Совещания была многообразной, но ее содержание способствовало развитию «в учащемся цельной, гармоничной личности», давало «учителю возможность ознакомиться с лучшими методами внешкольного воспитания и образования».

Оценивая педагогическую и просветительскую деятельность созданного В.И. Луниным армавирского Общества попечения о детях в целом, можно сделать следующие выводы:

во-первых, созданная в Армавире по инициативе В.И. Лунина система учебных и просветительских учреждений отвечала объективным потребностям населения и обеспечивала для значительной части детей эффективное комплексное школьное и внешкольное образование.

Во-вторых, содержание этого образования по своему уровню соответствовало содержанию образования в аналогичных государственных учебных заведениях, а иногда и превосходило последнее. При этом оно имело достаточно ярко выраженную демократическую направленность.

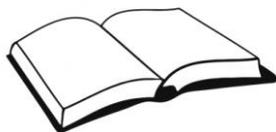
В-третьих, деятельность центров внешкольного образования (музей и библиотека) распространялась не только на учащихся, но и на значительную часть взрослого населения Армавира.

Виктор Игнатьевич Лунин, без сомнения, был не только ярчайшим представителем российской провинциальной демократической интеллигенции и виднейшим кубанским общественным деятелем, но и выдающимся просветителем Кубани. Его вклад в дело развития образования в Армавире и поистине невозможно переоценить. Мы полагаем, что работа по изучению общественно-просветительского наследия В.И. Лунина должна быть продолжена.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие: Спирина В. И., Спирина М. Л. Очерки истории социальной работы на Кубани. Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. 160 с.

2. Дайте характеристику просветительской и благотворительной деятельности В.И. Лунина.

ГЛАВА III НОВАТОРСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ НА КУБАНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Тема 6 Инновационные формы и методы социально-педагогической работы

План

1. Просветительская и благотворительная деятельность Екатеринодарского благотворительного общества.
2. Филантропические общества и различные формы социальной поддержки взрослых и детей.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П., Холостова Е. И. История социальной работы в России : учебное пособие В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Спирина, В. И. История социальной работы : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир, 2019. 173 с.
4. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

Непосредственным поводом для срочного введения инновационных форм социально-педагогической работы на Кубани послужил голод 1892–1893 гг., охвативший многие губернии России. Государство и общественные благотворители, как свидетельствовали современники, не смогли эффективно справиться с его последствиями. Значительная часть крестьян, наемных рабочих, люмпенов мигрировала на «сытую» Кубань в поисках лучшей доли. Этот процесс описан в научной литературе и художественных произведениях (рассказы А.М. Горького: «Дед Архип и Ленька», «Челкаш», «Мальва» и др.) [9; 10; 11].

Процесс миграции в поисках работы на Кубань с быстро развивавшейся экономикой продолжался и в начале XX в. Однако число переселенцев явно превышало возможности области в плане предоставления работы. Вот как, к примеру, описывает подобное положение дел в 1907 г. один из казачьих

чиновников Лабинского отдела: «...в Армавире у ворот каждого завода стоят сотни народу в чаянии попасть на работу, но не попадают. Об отхожих промыслах нечего и думать, потому что вся Россия шлет сюда массу рабочих для промыслов и многие из этих рабочих не находят работы...». Тяжелое материальное положение мигрантов усугублялось и другими факторами:

- предложение рабочей силы превышало ее спрос, при этом расценки за труд были мизерными;

- вновь прибывшие и не имевшие на Кубани недвижимости иногородние не пользовались в казачьей области большинством прав и являлись объектом жестокой эксплуатации со стороны казаков;

- среди мигрантов было значительное число людей, потерявших работу в России в силу ряда причин (пьянство, лень, склонность к воровству и бродяжничеству и т. п.), утративших понимание необходимости честного заработка, и предпочитавших мелкое воровство и попрошайничество. Поэтому и на новом месте найти себе работу им было крайне сложно.

В этих условиях заботу о таких лицах вынуждены были взять на себя городские управы и негосударственные благотворительные общества. Огромную роль в этом сыграло старейшее на Кубани – Екатеринодарское благотворительное общество во главе с А.Д. Бигдаевым (1855–1909 гг.). Он был мировым судьей и известным на Кубани музыкантом-любителем, собирателем народной музыки. Кроме Бигдаева, в правление Благотворительного общества входили влиятельные и уважаемые в Кубанской области люди: губернский предводитель дворянства, генерал и историк Кубанского казачьего войска И.Д. Попко, супруга наказного войскового атамана (главного военного и гражданского руководителя края) Е. Малама, член Екатеринодарской городской управы (впоследствии – городской голова) Г.С. Чистяков, редактор кубанской газеты «Кубанские областные ведомости» В.В. Скидан и др. Таким образом, были объединены усилия представителей высшего войскового руководства, городского самоуправления, интеллигенции.

С 1893 г. Екатеринодарское благотворительное общество (кроме просветительской деятельности) начало активно заниматься работой с указанными выше категориями мигрантов: в городе открываются ночлежный дом (1893 г.), бесплатная столовая, контора по выписке паспортов и контора по приисканию работы (типа биржи труда). С 1895 г. в Екатеринодаре организуется надзор за детьми, судимыми за кражу, но по причине несовершеннолетия не подвергнутыми наказанию.

Ночлежный дом стал своеобразным центром, обеспечивающим кратковременное пребывание работоспособных нуждающихся и предоставляющим возможность самостоятельного заработка инвалидам, старикам и подросткам,

которым найти работу самостоятельно было практически невозможно. Понимая, что это заведение способно достаточно быстро превратиться в притон для бродяг и профессиональных нищих, руководители общества ввели строгие правила, согласно которым человек мог находиться в ночлежном доме только в ночное время и сроком не более одного месяца. Первые четыре ночи были бесплатными, а за остальные нужно было платить символическую плату: всего несколько копеек. Такой порядок должен был, по мнению благотворителей, стимулировать ночлежников к самостоятельному поиску заработка.

При ночлежном доме был также организован «дом трудолюбия», где подростки, старики и инвалиды за небольшую плату занимались изготовлением канцелярских конвертов и бумажных мешков. Это была скорее профилактико-воспитательная, чем экономически рентабельная мера: у несовершеннолетних пытались формировать позитивное отношение к честному труду, а старики и инвалиды не должны были заниматься попрошайничеством и тем самым не подавать негативный пример другим. За пьянство, драки, воровство и другие асоциальные поступки постояльцев ночлежного дома выгоняли на улицу. За 10 месяцев его работы через это заведение (с апреля 1894 по январь 1895 г.) прошло около пяти с половиной тысяч человек – цифра для Екатеринодара с населением менее 100 тысяч, весьма значительная.

Благотворительными заведениями, призванными обеспечить нуждающихся местных жителей и мигрантов продуктами, стали организованные Благотворительным обществом чайная и столовая. Здесь по специальным талонам ежедневно кормили несколько сот городских бедняков и обитателей ночлежного дома. Следует отметить, что выдача подобных талонов достаточно строго контролировалась и получали их могли, как правило, нетрудоспособные лица. С целью поиска рабочих мест для нуждающихся обществом была учреждена контора по поиску работы. Примечательно, что для повышения эффективности ее деятельности проводились исследования по наиболее востребованным для региона профессиям, и полученные данные впоследствии были использованы в процессе организации профессионального обучения детей из нуждающихся семей. Следует отметить, что в 90-х гг. XIX в. в Екатеринодаре промышленных предприятий было сравнительно немного, и проблема поиска работы стояла достаточно остро. Обществу в этот период удавалось устраивать на работу примерно около трети от желающих, причем значительная часть из них выполняла низкооплачиваемые сезонные сельскохозяйственные работы в ближайших станицах.

Совершенно новым для Кубани стало создание Екатеринодарским обществом в эти же годы контора по выписке паспортов, которых многие бродяги и пришедшие на заработки не имели. Согласно законам Российской

империи, человека, не имевшего паспорта, нельзя было принимать на работу. Это правило хозяева зачастую нарушали из-за корысти и собственной выгоды: «беспаспортным» платили меньше других, и они не могли пожаловаться властям. Помимо, лиц без паспортов полиция могла высылать по месту постоянного проживания или в отдаленные окраинные населенные пункты, причем, пешим порядком, за свой счет и без права задерживаться в промежуточных пунктах более чем на сутки. Надо отметить, что профессиональные нищие и бродяги выработали у себя особые навыки проживания без официальных документов. Что же касается пришедших на заработки малограмотных крестьян и рабочих, то для них утрата паспорта могла обернуться большими неприятностями. Самостоятельно же получить новые документы таким людям представлялось делом весьма сложным и долговременным. Следует также отметить, что паспорта для этой категории лиц выдавались на непродолжительный срок (не более года) и по этой причине часто оказывались «просроченными».

В контору по выписке паспортов могли обратиться лица, уже получившие работу или имевшие гарантии ее получения. В этом случае контора делала официальный запрос в полицию по месту постоянного проживания человека и получала требуемые документы. Вся эта процедура была бесплатной. Подобная мера была направлена на «закрепление» людей на конкретных рабочих местах и профилактику бродяжничества. В целом с конца 1893 до начала 1895 г. конторой было выдано около тысячи паспортов.

Весьма прогрессивным для своего времени стал почти полный отказ Екатеринодарского общества от выдачи нуждающимся единовременных денежных пособий. Практика работы благотворительных обществ в других крупных городах России, которая правлением Екатеринодарского общества внимательно изучалась, показала, что эти деньги в подавляющем большинстве случаев использовались не по назначению. По этой причине деньги просителям выделялись в исключительных случаях. Так, например, мигрантам, желающим вернуться в места постоянного проживания, за счет общества покупались билеты на поезда, но не выдавались деньги на их самостоятельное приобретение.

Особое место в деятельности Екатеринодарского благотворительного общества на рубеже XIX–XX вв. (с 1895 г.) занимали попытки организовать надзор за детьми, совершившими правонарушения, но по малолетству оставленными на свободе. Отметим, что особая заслуга в этом начинании принадлежала председателю благотворительного общества А.Д. Бигдаеву, который, будучи мировым судьей, часто сталкивался с подобного рода случаями. Несовершеннолетних пытались трудоустроить и в течение некоторого времени

вели за ними наблюдение. Следует отметить, что в начале XX в. Екатеринодарское благотворительное общество в своей деятельности перестало ограничиваться только пределами Екатеринодара. Были открыты отделения общества, в том числе и в Армавире. Екатеринодарское благотворительное общество, старалось повысить эффективность своей работы, им был организован своеобразный «обмен опытом» с благотворительными организациями других регионов Российской империи: были установлены контакты с Одесским обществом исправительных приютов, Таганрогским обществом призрения нищих и с отдаленным Рижским обществом противодействия нищенству. Председатель общества А.Д. Бигдаев сам неоднократно выезжал в Крым и Одессу для знакомства с опытом работы благотворительных организаций. Деятельность Екатеринодарского благотворительного общества широко освещалась в местной печати, причем, ряд статей носили явно дискуссионный характер.

Аналогичные проблемы социальной поддержки нуждающихся мигрантов пытались решать и городские управы, и небольшие самостоятельные благотворительные общества и в других городах Кубанской области. Однако их деятельность в этом направлении не была столь масштабной и эффективной, как в Екатеринодаре – самом крупном населенном и административном центре Кубанской области. Местные благотворительные структуры делали объектами социальной поддержки в первую очередь постоянных жителей своих городов. На рубеже XIX–XX вв. число благотворительных обществ в городах Кубанской области заметно увеличилось. Они занимались самыми разнообразными видами деятельности, которые, как правило, сводились к просветительской работе и поддержке нуждающихся. С конца XIX в. здесь появляются различные общества взаимопомощи, объединявшие, как правило, лиц схожих профессий. Объектами деятельности этих организаций становились, как правило, сами члены этих обществ и их родственники. Кроме социальной поддержки, организации взаимопомощи занимались решением собственных профессиональных проблем, «обменом опытом» и т. п.

В качестве примера филантропического небольшого благотворительного общества приведем деятельность организации, которая официально именовалась «Ейское общество пособия бедным» [34].

В начале XX века в нем насчитывалось около 200 членов. Финансирование его деятельности обеспечивалось за счет обязательных небольших членских взносов (3 рубля в год) пожертвований (как от частных лиц, так и организаций) от городской управы (примерно 15 % от всего бюджета), от «кружечных» сборов и т. п. Однако главными источниками доходов этого общества служили сборы на благотворительных спектаклях, «балах-базарах»,

народных гуляниях, где проводилась благотворительная торговля сувенирами (около 50 % бюджета). Главной статьей расходов общества стало содержание дневного приюта для детей из бедных семей, при котором был пансион для подкидышей и учебная мастерская кройки и шитья. В приюте содержалось несколько десятков девочек и мальчиков. На все это уходило около двух третей бюджета общества. Некоторые суммы приходились на организацию спектаклей и благотворительных гуляний, а также собственные нужды общества. Определенная сумма средств предназначалась для единовременных денежных выплат беднейшим семьям, в том числе на обучение детей. Таким образом, можно констатировать, что основным направлением деятельности Ейского благотворительного общества в этот период была социальная поддержка и образование детей из бедных семей. Одним из направлений стало профессиональное обучение девочек. Кроме того, для детей приюта устраивались различные спектакли, экскурсии и посещение синематографа, им оказывалась бесплатная медицинская помощь, как в приюте, так и в городской больнице.

Что касается выдачи денежных пособий, то на них приходилось всего около 5 % бюджета общества, и выдавались они в основном опекунам сирот (на лечение) в виде небольших сумм в дни главных церковных праздников и т. п. Впрочем, сами благотворители считали подобную деятельность не эффективной. Правление общества было всегда особенно осторожно при определении размера пособий, опасаясь сделать ошибку. Было принято решение, что «если со временем средства общества увеличатся, и появится возможность расширить свою деятельность, необходимо будет организовать попечительства и распределить между ними окраины города, где ютится истинная беднота..», – говорилось в отчете правления общества за 1904 г. Здесь же подчеркивалась характерная для многих российских благотворителей того времени мысль, что «истинную бедноту надо искать, так как сама она стыдится просить милостыню».

Таким образом, Ейское общество пособия бедным, главным образом оказывало помощь нуждающимся детям в их содержании, обучении и воспитании. Подобный подход был характерен для многих небольших негосударственных благотворительных структур Кубанской области. Объяснить это, но только отчасти, можно тем, что дети были главными объектами социальной поддержки и обвинить их в профессиональном попрошайничестве было трудно. Вместе с тем, несмотря на явное понимание необходимости поддержки взрослых нуждающихся, Ейское общество этой проблеме не уделяло большого внимания, ссылаясь на опасность «несправедливого» распределения денежных средств и ссылаясь на свою малую осведомленность в этом вопросе [34].

Армавирское общество пособия бедным, обладавшее в силу ряда причин значительно большими средствами, чем Ейское, напротив, сумело организовать достаточно эффективную помощь взрослым. Так, в первые годы XX в. обществом был открыт ночлежный дом на 50 человек, позднее – бесплатная больница на 50 коек и при ней богадельня. Несколько по-иному была организована работа различных организаций взаимной помощи, хотя и в ней проявлялись значительные элементы социальной поддержки. Первую такую организацию создали учителя в Екатеринодаре в 1887 г., причем здесь занимались не столько вопросами материальной поддержки, сколько изучением и распространением педагогического опыта, разрешением различных практических и чисто административных вопросов, стоящих перед учителями Кубанской области. Позднее подобные учительские организации возникли и в других городах Кубани и осуществляли тесное сотрудничество между собой. По приблизительным подсчетам всего в этих организациях, состояло около половины всех педагогов Кубанской области.

По-иному действовали Общества взаимопомощи, объединяющие представителей других профессий: Общества взаимного вспоможения приказчиков (в Екатеринодаре, Ейске, Армавире, Майкопе), Кубанское взаимовспомогательное общество фельдшеров, Общество взаимного вспоможения учащим и учащимся в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губернии, Ссудно-сберегательная касса учащихся и служащих в учебно-просветительских учреждениях Армавира и ряд других. Интересно функционировало Общества взаимного вспоможения и частного профессионального труда в городе Майкопе, созданное в 1897 г. [35]. Оно объединяло приказчиков, ремесленников, мелких торговцев и других лиц мещанского звания: всего около сотни человек. Из отчета Общества за 1904 г. видно, что самыми большими частями доходной статьи бюджета были средства от «устройства разного рода увеселений» (почти 70 %) и членские взносы. Что же касается расходов Общества, то на благотворительные цели было истрачено около трети бюджета. К ним относились:

- беспроцентные ссуды членам общества (под поручительства других его членов) сроком до 6-ти месяцев (360 рублей);
- выдача единовременных пособий вдовам членов общества (150 рублей);
- назначение стипендий при Майкопском городском Александровском 6-ти классном училище для обучения 6-ти учеников детей бедных членов Общества (36 рублей). Объектами такой поддержки могли быть только сами члены общества, т. е. лица, способные платить членские взносы. Основные расходы этой организации приходились на «устройство разного рода увеселений», на содержание помещения и «выписку газет и журналов», т. е. на цели,

носившие развлекательный и просветительский характер. Таким образом, различные общества взаимопомощи, появившиеся на Кубани в начале XX в., нельзя отнести к чисто благотворительным организациям. В их деятельности явно присутствовали элементы социальной поддержки, хотя и распространявшиеся на определенный, достаточно узкий круг лиц, не принадлежавших к нуждающимся категориям населения [35].

Значительный интерес представляет и деятельность полугосударственной организации – Кубанского попечительства о народной трезвости. «Государственная» составляющая этой структуры состояла в том, что организация финансировалась из государственной казны за счет доходов от винной монополии. В целом ее работа строилась преимущественно на общественных началах. Попечительство о трезвости было создано в Екатеринодаре в 1902 г. и вскоре имело около сотни отделений в городах и станицах Кубанской области. Основной формой ее деятельности стала просветительская, которую условно можно разделить на два направления:

- антиалкогольная пропаганда: лекции с использованием последних для своего времени технических средств: «волшебного фонаря» (эпидиаскопа);

- просвещение народа с целью отвлечь его от употребления алкоголя за счет «полезного» времяпрепровождения. Для достижения этой цели в городах и станицах также проводились различные лекции, показывались спектакли и концерты, устраивались сеансы кинематографа, организовывались «безалкогольные» народные гуляния и семейные вечера. Сегодня трудно судить о долговременной эффективности подобной пропаганды, однако был зафиксирован случай, когда в 1903 г. под влиянием антиалкогольной агитации, проводимой Попечительством, жители станицы Константиновской на станичном сходе постановили навсегда закрыть водочную лавку и все пивные заведения. Работа Попечительства продолжалась до 1916 г., когда вследствие войны и принятия «сухого закона» было закрыто.

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. является временем появления на Кубани значительного числа различных обществ. Их члены и объекты социальной помощи объединялись по различным признакам, в том числе, конфессиональным и национальным. Так, среди организаций такого рода можно назвать следующие: Александро-Невское просветительское братство в Екатеринодаре, Православное братство св. великомученика Артемия при Троицкой церкви станицы Новощербиновской и иные православные благотворительные организации. Кроме того, в Кубанской области функционировало Римско-католическое общество попечения о бедных в Екатеринодаре с отделением в Армавире. В работе этих организаций, помимо материальной поддержки, особый упор делался на религиозное воспитание.

Население Кубанской области в начале XX в. было интернациональным, причем представители многих национальностей поддерживали тесные связи внутри своих этнических групп. Это привело к появлению значительного числа национальных благотворительных обществ, оказывавших помощь, как правило, своим соплеменникам. К таким обществам относились: Армянское благотворительное дамское общество в г. Екатеринодаре, Армянское благотворительное общество г. Майкопа, Эллинское благотворительное общество г. Екатеринодара и ряд других. Впрочем, отметим, что некоторые благотворительные организации, желая отметить интернациональные настроения, а также сословную и религиозную толерантность основателей, в своих учредительных документах специально подчеркивали, что в них могли вступать лица всех состояний, званий и вероисповеданий. Из национальных благотворительных обществ для современного исследователя наибольший интерес представляет Черкесское благотворительное общество в Екатеринодаре. Оно было создано в 1912 г. для систематической социальной поддержки небогатых адыгов, которые переселились в русские города, а также для оказания помощи адыгскому сельскому населению в случае стихийных бедствий. Еще одним направлением работы этого общества стала традиционная для Кубани просветительская деятельность, которая была направлена как на сохранение собственных национальных культурных традиций, так и на приобщение значительного числа детей адыгов, особенно городских, к русской культуре.

Основателями этого общества стали известные в Екатеринодаре адыги: железнодорожный инженер и общественный деятель князь Б. Шарданов (будущий председатель общества) и богатый предприниматель, прославившийся своей благотворительностью, Лю Трахов (вице-председатель). Черкесское благотворительное общество было организовано по образцу подобных организаций на Кубани и применяло многие тогда уже известные формы социальной поддержки, но в его деятельности были и специфические черты [33].

Известно, что использование нетрадиционных для адыгского народа «европейских» форм социальной поддержки было вызвано тем, что в последней четверти XIX в. часть из них стала перебираться в города в поисках работы. Эти люди, попав в непривычные для них социальные условия и лишившись традиционной внутриобщинной помощи, зачастую оказывались в достаточно сложном положении. Первоначально они находили поддержку у своих проживавших в городе и достаточно обеспеченных соплеменников. Однако с ростом миграции адыгов в города, особенно в Екатеринодар, подобная помощь уже не могла служить эффективной поддержкой для всех

нуждающихся и приходилось искать ее новые формы. В этом отношении очень характерной является благотворительная деятельность Л. Трахова, которой он занялся еще в последнее десятилетие XIX в. Выходец из бедной сельской семьи, он прошел сложный трудовой путь в городе, прежде чем скопить необходимые деньги и со временем стал одним из богатейших людей Кубанской области. Л. Трахов построил и содержал «хачеше» – странноприимный дом, где приезжавшие в город небогатые адыги могли найти ночлег. Известно, что он выдавал разовую денежную помощь и неимущим соплеменникам. В подобных формах благотворительности достаточно ясно чувствуются горские традиции гостеприимства и своеобразного «патроната».

Достаточно важную роль в благотворительной деятельности Трахова играли и религиозные мотивы. Глубоко верующий мусульманин, дважды совершавший хадж, он оказывал помощь в посещении Мекки и своим единоверцам. В частности, Трахов добился для них снижения стоимости корабельного путешествия в Турцию. Кроме того, его усилиями и на его средства в нескольких городах и аулах были построены мечети. Впрочем, мечеть для адыгов в русских городах была не только культовым местом, но и своеобразным центром социальной поддержки. Богатые мусульмане (равно как и богатые члены общины при православной церкви) материально поддерживали своих единоверцев, как того требовал Ислам.

Л. Трахов, живший в русском городе и поддерживавший тесные отношения с русскими купцами и казачьей администрацией, принимал участие и в городской благотворительности. Он состоял в руководстве местного отделения Общества Красного Креста, был членом Общества по борьбе с нищенством, жертвовал деньги на Кубанский войсковой приют для девиц. Многие образованные и состоятельные екатеринодарские адыги также занимались подобной деятельностью. Будущий председатель Черкесского благотворительного общества Б. Шарданов, например, исполнял обязанности казначея Кубанского войскового приюта и был членом Кубанского областного тюремного комитета: благотворительной организации, оказывавшей помощь заключенным.

Используя приобретенный опыт, адыгские благотворители постепенно начали применять нетрадиционные подходы к помощи нуждающимся адыгам, живущим в города. Так, Л. Трахов и другие богатые екатеринодарские адыги на свои средства открыли при больнице специальный корпус для соплеменников, получивший наименование «Черкесский лазарет». Здесь использовались новейшие для своего времени способы лечения, и учитывались национально-религиозные традиции мусульман. В «Черкесском лазарете» имелось и специальное женское отделение.

Примечательно, что и при сборе средств на поддержку нуждающихся черкесские благотворители использовали современные способы, широко практиковавшиеся и в русских благотворительных обществах. Так, для ликвидации последствий наводнения в 1908 г., от которого серьезно пострадало несколько аулов, в Екатеринодаре был проведен благотворительный концерт и бал. В 1911 г. создается «Общество Взаимного Кредита Кубанских горцев», в уставе которого обозначены благотворительные функции этой организации, заключающиеся в предоставлении беспроцентных кредитов нуждающимся адыгам.

И, наконец, в 1912 г. в Екатеринодаре было организовано Черкесское благотворительное общество, постоянно функционировавшее по образцу подобных обществ Кубанского региона. Оказываемые им виды поддержки заключались в основном в выдаче разовых денежных пособий, вспомоществований на лечение, стипендий на учебу и т. п. Занималось общество и традиционной для кубанской благотворительности просветительской деятельностью: были открыты Черкесские учительские курсы и курсы по подготовке вероучителей (мулл) и учителей черкесского языка, проводились спектакли по мотивам произведений адыгских писателей и концерты народной музыки [33].

Уже после начала Гражданской войны, в 1919 г., в Екатеринодаре было создано Дамское черкесское благотворительное общество, объединявшее жен и дочерей состоятельных адыгов. Однако обе эти организации завершили свое существование с приходом на Кубань Красной армии.

Таким образом, изменение социально-экономических условий жизни, произошедшее на Кубани на рубеже XIX–XX вв., и появление значительного числа различных категорий нуждающихся, вызвало необходимость появления на Кубани новых подходов к благотворительности, апробировались различные формы социальной поддержки взрослым людям и детям. Однако в те же годы в Кубанской области, как и во всей России в целом, бурно развивалось и иное направление социальной поддержки – профилактическое социальное воспитание и профессиональное обучение детей из бедных семей.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте характеристику просветительской и благотворительной деятельности Екатеринодарского благотворительного общества.
2. Какие филантропические общества осуществляли социальную поддержку взрослых и детей в Кубанской области на рубеже XIX–XX вв.

Тема 7 Социальное воспитание как форма профилактической социально-педагогической работы на Кубани в конце XIX – начале XX вв.

План

1. Основные направления социальной поддержки детей на Кубани в конце XIX – начале XX вв.
2. Традиционные и инновационные виды и формы социальной помощи нуждающимся.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Спирина, В. И. История социальной работы : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир, 2019. 173 с.
4. Фирсов М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

С первых лет XX века в стране большое внимание стало уделяться социальному воспитанию детей из бедных семей, особенно в городах. Важным направлением стала профилактика асоциального поведения подростков и их обнищания в будущем. Общеизвестно, что социальное воспитание несло в себе элементы социальной поддержки или термин начала XX в., «детской помощи». Примечательно, что объектами детской помощи становились не только дети и подростки, нуждавшиеся в поддержке: беспризорные, сироты, несовершеннолетние, совершившие какие-либо противоправные действия и т. п. К этой категории лиц стали причислять и детей из бедных семей, которые, не получив нормального воспитания и обучения и поддавшись влиянию стихийной социализации, могли в будущем оказаться социально не устроенными и пополнить число преступников. По мнению многих педагогов, общественных деятелей и государственных чиновников, различные формы школьного и внешкольного воспитания, способны были предотвратить этот процесс.

Следует отметить, что подобный подход к образованию детей бедноты не был принципиально новым, в том числе и для Кубани. Еще в начале XIX века в ремесленные мастерские при войсковой канцелярии принимали преимущественно казачьих сирот и детей из бедных семей, обучали их ремеслу и старались обеспечить их будущее. В те же годы выдавались и первые благотворительные стипендии для обучения сирот и детей бедняков в различных учебных заведениях, эта практика продолжалась и во второй половине XIX столетия. Однако в силу ряда причин число детей, нуждавшихся в материальной поддержке на рубеже XIX–XX вв. на Кубани заметно возросло. Это обстоятельство явилось причиной расширения традиционных форм детской помощи и появления инновационных подходов к социальному воспитанию этой категории детей.

Можно выделить основные направления социальной поддержки детей, которые существовали на Кубани в конце XIX – начале XX вв.:

1. Деятельность старых и организация государственных и общественных приютов, сиротских домов и иных заведений, где проводилось общее и специальное образование.

2. Материальная поддержка детей из бедных семей и семей, потерявших кормильца, которая выдавалась непосредственно семье или опекунам.

3. Материальная поддержка для получения образования детям и подросткам из бедных семей.

4. Профессиональное обучение и трудовое воспитание в различных видах учебных заведений, преимущественно начальных, где обучались подростки из бедных слоев населения.

5. Организация деятельности внешкольных клубов и обществ, ставших центрами социального воспитания и профессионального обучения. Примечательно то, что в некоторых внешкольных центрах дети одновременно являлись объектами социальной поддержки и социального воспитания.

Приюты и сиротские дома. Приютами в России XIX в. назывались два вида детских учреждений. Во-первых, закрытые учреждения, куда попадали подкидыши, сироты и беспризорники, где они обучались и воспитывались до определенного возраста. Эти приюты иногда назывались «сиротскими домами». Существовали также (под разными названиями) приюты для несовершеннолетних правонарушителей, которые в силу возраста не попадали в тюрьмы или на поселение. Во-вторых, приютами (дневными) в России назывались учреждения для детей из бедных семей, в которых они проводили время днем (пока родители находились на работе), и где осуществлялось их обучение и воспитание. В России дневные приюты появились еще в 30-е гг. XIX в. в Петербурге. В первом и во втором случаях основной

задачей детских учреждений была подготовка воспитанников к самостоятельной взрослой жизни. Однако в первом случае в приюте дети были на полном содержании, во втором – дети часть времени проводили в семьях. Существовали также и приюты, где осуществлялись одновременно два вида призрения: содержание сирот, живших там постоянно, и опека приходящих в дневное время детей. Примером такого рода учреждения был приют, организованный Обществом пособия бедным в г. Ейске.

В первой половине XIX в. существовали преимущественно приюты первого типа, содержащиеся, как правило, Войсковой канцелярией или Ведомством императрицы Марии Федоровны. В большинстве случаев их задачей являлось воспитание ребенка, его общее образование, формирование качеств, необходимых для самостоятельной взрослой жизни. Первоначально такие приюты первоначально содержались войсковыми властями или монастырями. Однако в конце XIX в. появляются закрытые и открытые детские учреждения, где помимо общего образования, детей учили какой-либо специальности. Например, в Ейском приюте девочек обучали кройке и шитью. Такой вид обучения позволял решать двоякую задачу: готовить к взрослой профессиональной деятельности и воспитывать у детей трудолюбие. Данный подход стал осуществляться и в других приютах Кубанской области.

О количестве и состоянии подобных детских учреждений в начале XX в. может свидетельствовать пример г. Екатеринодара, где в 1905 г. действовали два приюта для несовершеннолетних правонарушителей: Общества исправительных приютов и Детского приюта Кубанского войскового попечительства приютов. По инициативе Комитета попечения о бесприютных детях (под председательством известной благотворительницы Р.Г. Хлебниковой) в 1907 г. в городе было открыто еще одно закрытое учебное заведение на 200 воспитанников: убежище для бесприютных детей, где воспитывались сироты, начиная с 7 лет. Учебный план этого приюта, как и многих других подобных учреждений, включал 3-х летнее общее начальное образование и профессиональное обучение: девочек учили кройке и шитью, мальчиков – сельскохозяйственным профессиям. Выбор этих специальностей был не случайным: Екатеринодарское благотворительное общество проводило специальный «мониторинг» наиболее востребованных в области профессий и на основании его результатов осуществляло профессиональное обучение в благотворительных заведениях для детей. Екатеринодарские благотворители взяли на себя и заботу о детях младшего возраста. В 1907 г. в городе был открыт дневной приют для детей из бедных семей в возрасте 6–7 лет, получивший название «Ясли». Это детское учреждение – отделение Екатеринодарского благотворительного общества в своей деятельности преследовало две цели:

- помощь в воспитании и медицинском обслуживании детей из бедных семей;

- помощь работающим матерям.

Закрытые и открытые приюты для детей работали практически во всех городах Кубанской области. Содержание сирот и подкидышей оплачивалось городскими управами, а не за счет собственных средств благотворительных обществ.

Материальная поддержка семей, потерявших кормильцев и выплаты опекунам. Традиции материальной поддержки семей, потерявших кормильцев, и выплаты денег опекунам сирот на Кубани берут свое начало в первой половине XIX в. Данная форма социальной поддержки была практически не связана с социальным воспитанием, однако помогала дать образование нуждающимся детям. Такая помощь осуществлялась различными структурами: от войсковых властей и органов местного самоуправления до негосударственных благотворительных обществ. Так, упомянутое выше Ейское благотворительное общество выплатило единовременное пособие одному опекуну сирот, что следует из отчета общества за 1904 г. [34]. Известно также, что в некоторых случаях опекунам выплачивались деньги и в казачьих станицах. Особенно широко распространилась подобная практика после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. По именному императорскому указу был создан специальный Алексеевский (по имени наследника престола) Комитет, который имел свое отделение на Кубани. Примечательно то, что из государственных средств выплачивались специальные пенсии детям погибших офицеров с целью помочь им получить образование. Что касается детей нижних чинов, то, согласно царскому указу, помощь им должны были оказывать органы местного самоуправления. Однако в случае отсутствия средств, эти функции брало на себя государство в лице Алексеевского Комитета.

Пособия назначались всем детям, потерявшим отцов, до достижения ими 16-ти лет. В официальных документах при этом подчеркивалось, что деньги предназначены на воспитание и образование. Примечательно, что воспитание оплачивалось в три раза меньше образования, т. е. обучения в образовательном учреждении. В старых традициях сословной монархии в «Правилах об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» подчеркивалось, что это должно быть воспитание и образование, соответствующее общественному положению семьи, занятиям или образованию погибшего на войне главы семьи. Сумма, причитающаяся детям нижних чинов, была небольшой и примерно равнялась одной десятой части заработка квалифицированного рабочего. Это императорское распоряжение вызвало на Кубани длительную бюрократическую переписку между Алексеевским

Комитетом, канцелярией наказного атамана (главы Кубанской области) и местными властями. В результате деньги детям погибших нижних чинов стали выплачивать централизованно при условии, что они не получали материальной помощи от городских властей или станичных правлений.

Материальная поддержка детям из бедных семей для получения образования. Такой вид «детской помощи» появился на Кубани еще в 10-е гг. XIX в., однако тогда он был рассчитан всего на небольшое число детей во всей Черномории. Через 100 лет положение дел радикально изменилось. Стипендии и иные виды материальной поддержки на получение образования стали получать многие дети из бедных семей. Благотворительной деятельностью занимались различные благотворительные общества и отдельные филантропы. Достаточно сказать, что известный адыгский благотворитель Л. Трахов оплачивал обучение нескольких студентов-адыгов, Майкопское общество взаимного вспоможения приказчиков выплачивало 6 специальных стипендий (имени поэта А.С. Пушкина) детям приказчиков. Стипендии были предназначены для получения ими неполного среднего (6-летнего) образования [51].

В отношении такого вида поддержки детей из бедных семей значительный интерес представляет предложенный в 1907 г. премьер-министром П.А. Столыпиным документ о создании попечительств при государственных начальных училищах. Основная цель попечительств – заботиться о том, чтобы всем детям школьного возраста данной местности предоставлена была возможность учиться в школах. Для этого рекомендовалось устраивать при школах «место ночлега» для учеников, которые живут на далеком расстоянии от училища, снабжать неимущих учеников одеждою, обувью, питанием и т. п. Таким способом предполагалось в будущем решить задачу организации всеобщего начального образования. Следует отметить, что подобное начинание должно было выполнять и определенную воспитательную функцию. Социальное воспитание, осуществляемое в начальных училищах (государственных учебных заведениях), проводилось в духе официальной идеологии и способствовало формированию у детей положительного отношения к общегосударственным ценностным приоритетам. Впрочем, сам этот документ носил рекомендательный характер. Инициатива создания попечительств должна была исходить от самих училищ или органов местного самоуправления, средства на их деятельность должны были поступать от благотворительных пожертвований, взносов от органов местного самоуправления, организации благотворительных вечеров и т. п.

О том, что власти на местах не спешили выполнять подобные указания, свидетельствует тот факт, что Екатеринодарская городская управа

приняла документ к рассмотрению только в начале 1909 г., хотя был утвержден царем на полтора года раньше. В Кубанской области было создано несколько таких попечительств, но далеко не во всех начальных училищах.

Профессиональное обучение и трудовое воспитание государственных учебных заведений. С конца XIX века во многих начальных учебных заведениях Кубанской области, в том числе и сельских, где учились преимущественно выходцы из бедных слоев населения, было организовано профессиональное обучение. Основная цель – подготовка квалифицированных специалистов по профессиям, наиболее востребованным в этом регионе. Как правило, это были различные ремесленные и сельскохозяйственные специальности. Следует отметить, что если на протяжении почти всего XIX столетия приучение к занятиям сельским хозяйством проводилось преимущественно в семье и сельской общине, то на рубеже XIX–XX вв. положение дел в этой сфере заметно изменилось. Во-первых, наблюдался определенный прорыв в самих методах ведения сельского хозяйства: на Кубани появились крупные сельскохозяйственные производства, где использовались новаторские для своего времени технологии, выращивались новые сельскохозяйственные культуры, внедрялось широкое использование различной сельскохозяйственной техники и т. п. Во-вторых, резко увеличилось количество наемных сельскохозяйственных рабочих, и для успешной конкуренции на рынке труда требовалась определенная профессиональная квалификация. Таким образом, профессиональная подготовка давала возможность получения работы и решала весьма актуальный вопрос профилактики обнищания и люмпенизации.

Следует отметить, что проблема повышения интенсивности сельскохозяйственного производства в России, особенно после революции 1905 г., приобрела не только экономический смысл, но и политическое значение. Оно препятствовало обнищанию крестьян и возникновению у них революционных настроений. По инициативе П.А. Столыпина за казенный счет в этот период выпускались специальные брошюры для крестьян, в которых описывались передовые методы сельскохозяйственного производства. Для успешной организации профессионального обучения в начальных училищах требовалась определенная подготовка и от самих педагогов.

В конце XIX века в г. Анапе были организованы специальные сельскохозяйственные курсы для учителей народных училищ. В это же время в Кубанской учительской семинарии было организовано изучение основ сельского хозяйства и различных ремесел. Что касается самих училищ и ряда средних учебных заведений, то при них существовали специальные сады, огороды, пасеки, а также ремесленные мастерские, где учащиеся получали качественную профессиональную подготовку. Следует отметить

и важную воспитательную функцию трудового обучения. У детей из бедных семей, которые учились в начальных училищах, формировалось трудолюбие и привычка к труду. Таким образом, семейное и общинное трудовое воспитание продолжалось и в учебных заведениях. Для этого использовались новаторские педагогические методы. Среди учащихся организовывались соревнования по качеству и скорости работы, их убеждали в том, что только результаты честного труда могут быть залогом успешной жизни и т. п. Урожай с училищных огородов и садов, а также изделия ремесленных мастерских распределялись между самими учащимися или отдавались самым бедным из них.

Трудовое воспитание в определенной мере носило также профилактический характер, препятствовало негативной стихийной социализации и формировало положительное отношение к труду. Следует также отметить, что подобные подходы к трудовому воспитанию детей из бедных семей во многом были созвучны педагогическим идеям известных западных теоретиков трудового воспитания Г. Кершенштейнера и Дж. Дьюи, чьи работы появились в начале XX в. и в России. Вместе с тем следует отметить, что в российских условиях педагогический подход Кершенштейнера был более приемлем. Если Дьюи главным образом рассматривал трудовое воспитание как фактор формирования общего мировосприятия ребенка, то задачи трудового воспитания по Кершенштейнеру выглядели по-другому: дать детям из бедных семей хорошее профессиональное образование и выработать у них уважение к честному труду. Именно такой путь был присущ России конца XIX – начала XX вв., поскольку препятствовал обнищанию населения и способствовал стабильности общества в целом. Внешкольные клубы и общества. В последней четверти XIX в. в России стали возникать первые внешкольные организации учащихся, занимавшиеся военно-патриотическим и другими направлениями социального воспитания. В начале XX в., деятельность подобных центров внешкольного социального воспитания (детских клубов) в России получила свое теоретическое обоснование в трудах известного дореволюционного педагога С.Т. Шацкого. Подобные внешкольные организации и общества, объединявшие как детей одного учебного заведения, так и подростков, проживающих на одной территории, помимо образовательных и общевоспитательных функций, выполняли и важную функцию профилактики их стихийной социализации (влиянию «улицы»). Таким образом, можно говорить о том, что создание подобных структур являлось формой социально-педагогической работы с детьми и подростками. Всего в начале XX в. в России насчитывалось около тысячи таких внешкольных организаций: от крупных объединений

скаутов с большим количеством провинциальных отделений до сравнительно малых «клубов» в некоторых малых городах. Существовали подобные структуры и на Кубани. В качестве примера можно привести деятельность в Армавире в 1909 г. Особого совещания по внешкольному образованию и воспитанию учащихся и детей дошкольного возраста. Оно было создано при Армавирском обществе попечения о детях, т. е. возникло по инициативе негосударственной организации. Первоначально в деятельности Особого совещания большую роль играли не столько воспитательные, сколько просветительские мотивы. Для детей регулярно устраивались спектакли, литературные утренники, выставки, экскурсии, маевки, хоры, оркестры и т. п. [53].

Имелся и собственный учебный кинематограф, в котором устраивались сеансы различных фильмов научно-популярного содержания. Таким образом, просветительская направленность различных общественных мероприятий, столь характерная для русской либеральной провинциальной интеллигенции конца XIX – начала XX вв., нашла свое отражение и в деятельности этой структуры. Однако уже через несколько лет в деятельности Особого совещания важную роль начинают играть и формы воспитания, направленные на противодействие стихийной социализации. С 1914 г. в Армавире по инициативе Б.Л. Выродова кубанского краеведа и помощника директора Музея наглядных научных пособий начинает работать летняя общедоступная «детская площадка». Воспитатели-энтузиасты устраивали разнообразные игры, организовывали спортивные соревнования, кружки по интересам. Работа этой площадки во многом напоминала деятельность городского детского клуба, описанного С.Т. Шацким. По свидетельствам современников, детская площадка должна была «оградить подрастающее поколение от пагубного влияния улицы» [там же].

Б.Л. Выродовым была также организована подростково-молодежная внешкольная организация «Перелетные птицы», которая первоначально занималась в основном краеведческой работой: изучением природы и истории родного края. Организовывались различные походы и экскурсии по окрестностям Армавира, позже эта организация переключилась, главным образом, на изучение природы. Подобные детские и подростковые организации во втором десятилетии XX века существовали и в других городах Кубанской области, к сожалению, их работа через несколько лет была прекращена из-за революции и Гражданской войны.

Организацией внешкольного воспитания занимались на Кубани не только общественные структуры, но и государство. В этом плане значительный интерес представляет изданное в августе 1914 г. (после начала

Первой мировой войны) распоряжение Министерства народного просвещения об организации так называемой «школьной трудовой помощи» – выполнения различных работ на нужды фронта учениками средних учебных заведений во внеурочное время. В циркулярном письме попечителя Кавказского учебного округа (куда входила Кубанская область) Н. Рудольфа, направленного начальникам мужских средних учебных заведений, учительских институтов и семинарий, технических, промышленных и высших начальных училищ, представлены подробные разъяснения по организации этого вида внешкольной работы.

Первоначально школьная трудовая помощь, «столь необходимая в разгар военных действий», задумывалась как активное участие школьников «в санитарной и продовольственной службе, в изготовлении белья и перевязочных средств, а также некоторых частей воинского снаряжения и т. п.». Организацией этой работы должно было заниматься училищное и гимназическое руководство по согласованию с местными гражданскими и военными органами власти. Таким образом, речь шла о бесплатном и добровольном привлечении школьников к выполнению различных необходимых для армии работ – своеобразной обязательной благотворительности в условиях военного времени. В этих условиях подростки выступали в роли субъектов социальной поддержки.

Следует отметить, что попечитель учебного округа сразу отмечал, что подобная деятельность должна носить воспитывающий характер и способствовать формированию у учащихся общечеловеческих и гражданских качеств: личной ответственности, инициативности, гражданского долга и любви к ближнему.

Более того, главную задачу школьной трудовой помощи он видел именно в воспитании этих качеств, а не в конкретно выполненной работе. По его мнению, такую внешкольную воспитательную деятельность, уже в иных формах, следует продолжить и в мирное время. Таким образом, речь шла о целенаправленной внешкольной воспитательной деятельности и социальном воспитании. В государственном варианте такой деятельностью должны были быть охвачены не только дети из бедных слоев населения, а практически все учащиеся старших классов государственных средних учебных заведений. Особый интерес представляло то, что здесь присутствовали элементы благотворительности, например, участие гимназистов в бесплатном репетиторстве, устройстве площадок для детей младшего возраста и надзоре за ними. Таким образом, учащиеся в определенной степени становились одновременно субъектами и объектами социальной поддержки [52].

В циркулярном письме подчеркивалась роль трудового воспитания в процессе формирования у подростков трудолюбия и уважения к труду в целом.

Рассматриваемый документ, с одной стороны, предоставлял руководителям учебных заведений достаточно большую свободу в выборе форм и методов «трудовой помощи» применительно к местным условиям. Среди перечисленных рекомендуемых 24-х направлений деятельности школьников имелись самые разнообразные: от краеведения, охраны памятников природы и благоустройства территории до сбора фольклора и участия в «вольной» (т. е. добровольной) пожарной команде. Педагогам предлагалось «начать с малого в пределах возможного» и всячески проявлять в этом деле свободную инициативу, специально подчеркивалось, что все эти мероприятия должны проводиться только в свободное от занятий и выполнения домашних заданий время.

Вместе с тем, в рекомендациях по организации школьной трудовой помощи имелись и некоторые бюрократические моменты. Учащихся предлагалось разбивать на «десятки» по интересам во главе с учителем или кем-нибудь из родителей, и численность такой группы должна была не превышать 15-ти человек. Предусматривались также обязательные еженедельные денежные взносы членов десятки (по 5 копеек с человека), хотя допускалось освобождение нуждающихся учеников от взносов. Каждый из учеников должен был вести дневник, в котором он должен был отмечать свой вклад в деятельность группы. Вступление в десятку должно было сопровождаться «торжественным обещанием» (в чем-то напоминающим торжественное обещание юного пионера, позаимствованное у скаутов). Специально регламентировались и наказания для участников школьной трудовой помощи, а также правила исключения их из «десятки».

В период 1914–1916 гг. в Кубанской области было создано несколько организаций «школьной трудовой помощи», которые занимались самой разнообразной деятельностью, в том числе и не связанной с непосредственной поддержкой действующей армии. К сожалению, это начинание не получило столь широкого развития, как рассчитывало Министерство народного просвещения: во время Гражданской войны подобная деятельность постепенно прекратилась и обрела новые формы уже в годы Советской власти. Таким образом, на Кубани в конце XIX – начале XX вв. существовали самые разнообразные формы социального воспитания и социальной поддержки детей. Изучение подобного опыта и использование его адаптированного варианта к современным условиям в наши дни представляет значительный интерес для социальных педагогов и социальных работников.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие: Спирина В. И., Спирина М. Л. История социальной работы : учебно-методическое пособие. Армавир, 2019. 173 с. Дайте характеристику традиционным и инновационным видам и формам социальной помощи детям и взрослым в конце XIX – начале XX вв.

ГЛАВА IV

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ НА КУБАНИ

Тема 8 Возможности применения опыта социально-педагогической работы на Кубани в современных условиях

План

1. Основные направления применения элементы прошлого опыта, адаптированные к современным условиям.
2. Формы социально-педагогической работы в современных условиях.

Литература

1. Антология социальной работы [В 5 т.] / Ин-т психосоциал. работы [Сост. М. В. Фирсов]. Т. 1: История социальной помощи в России. М. : Сварогъ: НВФ СПТ, 1994. 278 с.
2. Мельников, В. П. История социальной работы в России : учебное пособие В. П. Мельников, Е. И. Холостова. М. : Изд-во Книготорговый центр «Маркетинг», 2001. 342 с.
3. Спирина, В. И. История социальной работы : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. Армавир, 2019. 173 с.
4. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 256 с.

Начало 90-х гг. XX века было достаточно сложным временем для России. Напрямую коснулось это и Краснодарского края, где появилось достаточное число лиц, которые оказались плохо адаптированными к жизни в новых социально-экономических условиях. Географическое положение края, его теплый климат создали предпосылки для того, что в 1992–1994 гг. здесь значительно выросло количество беженцев, вынужденных переселенцев, безработных. Многие из них, не имея жилья, работы, совершали преступления [59, с. 71]. В середине 90-х гг. XX века в г. Краснодаре каждый четвертый житель состоял на учете в органах социальной защиты, большинство этих людей составляли пенсионеры, хотя здесь были и безработные, дети-сироты и т. п. Всего насчитывалось свыше 20-ти различных категорий подобных лиц [60, с. 67]. Подобная картина, хотя и в меньших масштабах, была характерна и для других городов Краснодарского региона.

Другой важной проблемой, напрямую связанной с кардинальными социально-экономическими и социально-политическими изменениями в России, стала борьба с асоциальными проявлениями в среде детей и подростков, особенно из неблагополучных семей. Если в советский период их социальное воспитание осуществлялось не только в учебных заведениях, но и в различных внешкольных центрах (дворцы пионеров, кружки, клубы и т. п.), то в начале 90-х многие из этих структур (в силу финансовых причин) прекратили свое существование. В определенной степени дезориентированным оказалось и школьное социальное воспитание: прежние аксиологические приоритеты оказались свергнутыми, а новых еще не существовало. Таким образом, значительная часть детей и подростков оказалась «жертвами» стихийной социализации, субъектами которой выступили не только «улица» (как это было в начале XX в.), но и средства массовой информации, поп-культура и т. п. Если при этом учитывать резкое ухудшение материального положения многих семей, социальную неустроенность и пьянство определенной части родителей, то причины значительного роста асоциальных проявлений в подростковой среде, националистических настроений, стихийного возникновения различного рода подростковых объединений асоциальной направленности представляются вполне понятными. Все эти явления имели место и в Краснодарском крае.

Следует отметить, что социальные службы России оказались не готовы к подобной ситуации, что особенно заметно проявилось в провинции, чему имеется много объяснений, в том числе и финансового характера. При этом не следует упускать из внимания некоторую пассивность местных организаций, постоянно ожидавших указаний и финансирования из Центра, что в немалой степени объяснялось советской ментальностью. Следует отметить, что подобные настроения частично не изжиты до сих пор. К сожалению, нередко имеют место следующие высказывания: «Остается надеяться, что федеральная власть определит такой экономический курс, при котором истине решающая для России социальная сфера займет достойное место и не будет безжалостно ущемляться»; «Надеемся, что на федеральном уровне будет принят, наконец, закон „О реабилитации“, что позволит инвалидам стать социально защищенными и интегрированными в общество» и пр. Представляется, что подобные высказывания не отражают истинного состояния дел и в какой-то степени оправдывают отсутствие собственной региональной инициативы.

Если сравнивать подобные подходы к социально-педагогической работе с теми, которые существовали в российских регионах в конце XIX – начале XX вв., то можно обнаружить заметные отличия. Как было отмечено

выше, все попытки царской администрации выработать эффективно работающие законы по призрению неимущих не увенчались успехом. Однако деятельность в этой сфере органов местного самоуправления и негосударственных благотворительных обществ, наоборот, успешно способствовала разрешению многих наиболее актуальных вопросов социальной поддержки, в том числе, по поиску средств на ее осуществление. Во многом это объяснялось хорошим знанием региональных условий. Именно так работали на рубеже XIX–XX вв. Екатеринодарская городская управа, Екатеринодарское благотворительное общество и другие структуры.

Следует также отметить, что в Краснодарском крае в изменившихся социальных условиях достаточно быстро стали приниматься действенные меры по организации социальной поддержки различных категорий населения. Примечательно то, что стали применяться многие формы социально-педагогической работы, которые практиковались больше, чем столетие назад. Так, например, в деятельности социальных служб – подходы к помощи неработоспособным взрослым, какими руководствовалась Екатеринодарская городская управа: «активно используются различные формы натуральной помощи: бесплатное горячее питание, организация летнего отдыха детей из малообеспеченных семей, компенсация стоимости лечения и приобретения медикаментов, бесплатная подписка на газеты, предоставление банно-прачечных, парикмахерских и других видов бытовых услуг» [60, с. 67]. Тем не менее, исторический опыт социальной поддержки взрослых нуждающихся, практиковавшийся в Кубанской области на рубеже XIX–XX вв., востребован современными социальными службами далеко не полностью. Можно отметить основные направления применения элементы прошлого опыта, соответственно адаптированные к современным условиям:

1. Поддержка со стороны региональных властей деятельности общественных благотворительных организаций, включая религиозные (традиционные для региона религий, а не западные секты ультрапротестантского толка). Поощрение частных пожертвований на благотворительные цели как в государственные службы социальной защиты, так и в негосударственные благотворительные организации, позволит хотя бы частично решить проблему финансирования социальной сферы.

2. Привлечение внимания к созданию рабочих мест, в том числе и для пенсионеров.

3. Отказ от чересчур гуманного взгляда на нуждающихся работоспособных взрослых исключительно как на явных жертв внешних социальных условий; проведение с подобными лицами воспитательной работы; усиление профилактической работы с пьянством и алкоголизмом; активизация работы

с незаконными мигрантами и принудительное возвращение их на историческую родину (как это практиковалось в конце XIX – начале XX вв.) [48; 60].

Наиболее действенной формой социально-педагогической работы в настоящее время является профилактическое социальное воспитание детей и подростков, особенно из неблагополучных семей. Таким образом, осуществляется превенция попадания этой категории в нуждающихся в социальной поддержке.

В дореволюционный период, как было показано выше, подобной деятельности уделялось очень большое внимание, едва ли не большее, чем помощи взрослым нуждающимся работоспособным. Следует отметить, что в последние годы в Краснодарском крае в этом направлении проделана определенная работа, продолжающая традиции дореволюционной кубанской школы, связанная с трудовым воспитанием молодежи. Современные условия требуют от человека, помимо трудолюбия, проявления инициативы, деловой активности, высокой квалификации, умения работать в коллективе, личной ответственности. Такие качества успешно формируются у учащихся ряда образовательных организаций Кубани на занятиях по профессиональному обучению.

Так, в 1993 г. в средних общеобразовательных школах Краснодарского края было создано несколько экспериментальных профильных фермерских классов, программа обучения которых включала в себя профессиональную подготовку по различным видам сельскохозяйственных работ. По утверждению руководителя школы № 15 тех лет в станице Роговской Тимашевского района, сельская молодежь «оказалась не у дел», не может найти себе достойную работу в городе и вынуждена оставаться в селе. В таких условиях основная цель создания профильных фермерских классов состоит в том, чтобы «помочь сельским школьникам самоопределиться и подготовиться к современной жизни в новых экономических условиях».

Опыт работы таких школ показал, что число сельской молодежи, желающей учиться в профильных классах, постоянно растет. Так, школе № 15 Тимашевского района в 1995 г., когда там был создан профильный класс, число обучавшихся составляло 19 человек, в 2001 г. – 49 человек, т. е. увеличилось почти в два с половиной раза. В зависимости от конкретных местных условий в сельских школах края существовала определенная разница в изучаемых специальностях, что, кстати, практиковалось в кубанских училищах и в дореволюционный период. Такое положение дел представлялось вполне оправданным: обучение по тем или иным специальностям определялось потребностью каждого района в определенных специалистах того или иного профиля.

Вместе с тем деятельность современных профильных классов с фермерским уклоном нельзя сегодня полностью отождествлять с профессиональным сельскохозяйственным обучением и трудовым воспитанием, которое практиковалось в сельских училищах на рубеже XIX и XX вв. Пожалуй, одним таких отличий, напрямую связанным с профессиональным сельскохозяйственным образованием и трудовым воспитанием, является введение в профильных фермерских классах специальной дисциплины – «Хозяин и хозяйка сельского дома». У учащихся формируются базовые навыки ведения собственного хозяйства, ремонта дома и приусадебных построек, правила содержания скота и птицы и т. п. Необходимость подробного изучения особенностей ведения индивидуального крестьянского хозяйства вызвана, в первую очередь, отсутствием в большинстве современных сельских частных подворий налаженного хозяйства, скота, сельскохозяйственного инвентаря. Кроме того, сельские дети в семьях зачастую не могут получить должных навыков ведения собственного хозяйства и с трудового воспитания в семьях, часть из которых не занимается должным воспитанием детей, что считалось обязательной нормой в кубанских станицах прошлого.

Распространение практики профильного профессионального обучения в различных (в том числе и городских) учебных заведениях Краснодарского края представляется весьма перспективным. Оно несет в себе элементы трудового и профилактического социального воспитания, что способствует успешной социализации детей и их подготовке к самостоятельной взрослой жизни.

Перспективной формой профильного обучения, несущей в себе элементы социального воспитания, являются кадетские классы, созданные в некоторых школах Краснодарского края. Эти образовательные организации создаются, как правило, по инициативе местных органов самоуправления и районных отделов народного образования. Их образовательно-воспитательная деятельность и организационная структура отличаются известным разнообразием. Это и «открытые» классы при школах с углубленным изучением военных и военно-исторических дисциплин и закрытые пансионы при школах, где ученики занимаются по программам, близким к программам суворовских училищ. Однако закрытые кадетские классы не совсем идентичны ныне суворовским училищам: они имеют собственную организацию, административную подчиненность и учредительные документы, подчиняются, как правило, директору школы. В отличие от суворовских училищ, они не относятся к военно-учебным заведениям.

Известно, что дореволюционные кадетские корпуса начала XX в. являлись закрытыми средними военно-учебными заведениями (аналог гражданской гимназии), куда дети поступали в возрасте 9-ти лет и по окончании,

как правило, продолжали обучение в военных училищах. Суворовские училища были созданы в 1943 г. как полный аналог старых кадетских корпусов, что специально подчеркивалось в Указе Верховного Совета СССР. Появившиеся в последние годы современные кадетские корпуса, особенно в казачьих регионах, в целом являются аналогами дореволюционных одноименных учебных заведений. Необходимо отметить как положительное то, что, как до революции, так и в настоящее время, преимущественным правом приема в кадетские корпуса и суворовские училища пользуются дети военнослужащих. Таким образом, эти военно-учебные заведения и сегодня выполняют определенную функцию социальной поддержки.

В создаваемые при кубанских школах кадетские классы стараются принимать детей из неблагополучных семей. Здесь широко проводится военно-патриотическое воспитание, формируются такие гражданские качества, как ответственность, дисциплинированность, умение жить в коллективе и т. п. Как правило, кадетские классы заключают договоры с высшими военно-учебными заведениями о льготном приеме своих выпускников. Несмотря на то, что офицерскую специальность выбирают всего около 10–15 % выпускников кадетских классов, они в большинстве случаев, как показывает практика, быстрее адаптируются к взрослой социальной жизни, чем их сверстники, закончившие обычную среднюю школу. Таким образом, фактически главной задачей кадетских классов стала не столько профессиональная подготовка, сколько социальное воспитание [48].

Другим важным направлением профилактического социального воспитания представляется участие детей в деятельности различных организаций дополнительного образования детей (ОДОД): военно-патриотических, исторических, краеведческих, спортивных и т. п. В советский период существовало достаточное количество детских организаций, кружков и т. п., которые, несмотря на все свои недостатки, играли важную роль в профилактике подростковых асоциальных проявлений. В последние годы на Кубани наблюдается возрождение подобных структур, деятельность которых чем-то напоминает деятельность «школьной трудовой помощи», которую пытались организовать в кубанских средних мужских учебных заведениях в 1914 г. Следует отметить, что такая трудовая помощь обязательно несла в себе функции общественно-полезного труда, касалось ли это охраны природы, исторических памятников, репетиторства, сбора народных песен, подготовки учащихся к профессиональной деятельности. Представляется интересным применение подобного воспитательного опыта и в работу современных детских организаций дополнительного образования детей.

Таким образом, можно выделить два основных направления профилактической социально-педагогической работы с детьми, в основе которой лежит социальное воспитание:

1. Организация профессионального обучения с созданием различных профильных классов, что существовало в дореволюционный период и возрождается в наши дни. Следует расширять подобного рода структуры в соответствии с конкретными местными условиями, учитывая при этом исторический опыт сельскохозяйственной и иной профессиональной подготовки.

2. Расширение сети организаций дополнительного образования детей, что играет весьма важную роль в профилактике детского и подросткового асоциального поведения и способствует формированию у детей позитивных личностных качеств. В процессе организации подобных структур в наши дни представляет интерес использование теории и практики школьной трудовой помощи и разного рода детских обществ, существовавших на Кубани в первые два десятилетия XX в. Особое внимание, на наш взгляд, следует обращать на трудовое воспитание, которое в современных социально-экономических условиях представляется жизненно необходимым.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Прочитайте учебное пособие Спирина В. И., Спирина М. Л. История социальной работы : учебно-методическое пособие. Армавир, 2019. 173 с. Дайте характеристику формам социально-педагогической работы в современных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История генезиса и развития социальной поддержки и социального воспитания на Кубани с конца XVIII – начала XX вв. показывает, что формы и методы помощи нуждающимся перманентно менялись. С одной стороны, они соответствовали общероссийским тенденциям в изменении подходов к социальной помощи, с другой – были обусловлены местной спецификой: многолетней войной с горцами, необходимостью освоения новых земель, и на рубеже XIX–XX вв. – бурным экономическим развитием края, появлением значительного числа мигрантов. Все эти факторы повлияли на специфику форм и методов социальной поддержки различных категорий нуждающихся: обедневших казаков, иногородних, нищих, детей-сирот и т. п. Уже в первые годы XX столетия на Кубани использовались самые прогрессивные для своего времени методы социально-педагогической работы: профессиональное обучение, поиск работы для мигрантов, контроль за поведением нуждающихся после оказания им помощи, борьба с пьянством и т. п.

К важнейшим особенностям социально-педагогической работы на Кубани в конце XIX – начале XX вв. можно отнести три ее существенные направления:

- эффективную общинную взаимопомощь в казачьих станицах, где в отличие от большинства других регионов России, общинная помощь не теряла своей значимости, напротив, активно развивалась и принимала новые формы, связанные с поддержкой семейных отношений, профилактикой асоциального поведения отдельных казаков и т. п.;

- появление в начале XX в. этнических благотворительных организаций. Наибольший интерес представляла деятельность Черкесского благотворительного общества, в работе которого сочетались новейшие европейские подходы, традиционно сложившиеся социальные отношения и ментальность адыгов;

- просветительскую направленность социальной поддержки, которая отмечалась на Кубани с начала XIX в. и достаточно ярко проявилась во второй половине XIX – начале XX вв., когда стала сочетаться с профилактическим социальным воспитанием детей и подростков. Центрами социального воспитания стали учебные заведения и внешкольные детские организации, создаваемые как властями, так и негосударственными благотворительными обществами.

Таким образом, в работе выявлены основные факторы, которые повлияли на специфику форм и методов социальной помощи в Черномории и Кубанской области на различных этапах рассматриваемого исторического периода. Анализ форм и методов поддержки нуждающихся, частично связанных с национальной и региональной ментальностью населения, позволил выявить элементы исторического опыта в сфере социально-педагогической работы, которые (при условии соответствующей адаптации к современным условиям) могут быть успешно использованы в современных условиях.

Накопленный исторический опыт социально-педагогической работы в настоящее время активно применяется службами социальной защиты, учебными заведениями, организациями дополнительного образования детей, связанными с социально-педагогической работой. Вместе с тем, исторический опыт социально-педагогической работы нуждается в дальнейшем исследовании. Не вызывает сомнения тот факт, что в этой области имеется немало неиспользованных ресурсов. В пособии раскрыты некоторые из возможных направлений использования в современных условиях форм и методов социально-педагогической работы, практиковавшихся на Кубани на рубеже XIX–XX вв. Представляется, что их перечень может быть дополнен и продолжен за счет новых исследований в рассматриваемой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, И. Н. Государственная социальная помощь в Москве во время царствования Екатерины II / И. Н. Андреева // Москва в истории России : учебное пособие / под ред. Б. В. Леванова. – М. : МИЭТ(ТУ), 1997. – С. 96–101. – 127 с. – Текст : непосредственный.
2. Андреева, И. Н. Основные тенденции развития социальной работы в России (вторая половина XVIII – начало XX вв.) : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук : 3.00.01 : Общая педагогика, история педагогики и образования / Андреева Ирина Николаевна. – М., 1999. – 32 с. – Текст : непосредственный.
3. Андреева, И. Н. Пути исторического развития социальной работы в России (вторая половина XVIII – начало XX в.) / И. Н. Андреева. – М., 1999. – 140 с. – Текст : непосредственный.
4. Антология социальной работы : [В 5 т.]. Т. 1: История социальной помощи в России / Ин-т психосоциал. работы ; [сост. М. В. Фирсов]. – М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1994. – 278 с.– Текст : непосредственный.
5. Басов, Н. Ф. История социальной педагогики : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 031300 «Социальная педагогика» / Н. Ф. Басов, В. М. Басова, А. Н. Кравченко. – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2007. – 252 с. – Текст : непосредственный.
6. Бузаров, А. К. У истоков частной благотворительности в Адыгее / А. К. Бузаров. – Текст : непосредственный // Благодарение (Тхьам инэшлу). – 1997. – № 1 (79). – С. 6–8.
7. Герье, В. И. Опыт городского попечения о бедных / В. И. Герье. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1896. – Т. 1. – С. 564–570.
8. Гиляровский, В. А. Мои скитания; Люди театра / В. А. Гиляровский; [предисл. Н. Кружкова]. – М. : Правда, 1987. – 477 с. – Текст : непосредственный.
9. Горький, М. Дед Архип и Ленька / М. Горький // Собр. соч. : в 16 т. Т. 1. – М. : Правда, 1979. – 430 с. – С. 46–67. – Текст : непосредственный.
10. Горький, М. Мальва / М. Горький // Собр. соч. : в 16 т. Т. 1. – М. : Правда, 1979. – 430 с. – С. 118–150. – Текст : непосредственный.
11. Горький, М. Челкаш / М. Горький // Собр. соч. : в 16 т. Т. 1. – М. : Правда, 1979. – 430 с. – С. 360–408. – Текст : непосредственный.
12. Григорьев, С. И. Социология социальной работы как содействие осуществлению и реабилитации жизненных сил человека / С. И. Григорьев. – Текст : непосредственный // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 2. – С. 10–14.

13. Громов, В. П. Культурно-просветительская деятельность Екатеринодарского благотворительного общества в 60–90-е гг. XIX в. / В. П. Громов. – Текст : непосредственный // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода : сборник научных трудов. – Краснодар : КГУ, 1991. – 141 с. – С. 43–49.
14. Жеденов, Н. Кому и как помогать? / Н. Жеденов. – Текст : непосредственный // Вестник благотворительности. – 1898. – № 5. – С. 26–34.
15. Зимняя, И. А. Социальная работа как профессиональная деятельность / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Социальная работа. – Вып. 6 : Актуальные проблемы состояние и перспективы социальной работы в России / под ред. И. А. Зимней. – М., 1992. – С. 8–15.
16. Ивченко, И. В. Попечительское дело в общине кубанских казаков / И. В. Ивченко. – Текст : непосредственный // Проблемы историографии и истории Кубани : сборник научных трудов. – Краснодар : КГУ, 1994. – 141 с. – С. 56–60.
17. Исторический опыт социальной работы в России / Рос. акад. образования. Центр соц. педагогики. – М., 1994. – 255 с. – Текст : непосредственный.
18. История социальной педагогики : Хрестоматия-учебник : учебное пособие для студентов вузов / под ред. М. А. Галагузовой. – М. : Владос, 2001. – 543 с. – Текст : непосредственный.
19. Крюков, Д. Н. Социально-педагогическая помощь детям в России (Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Д. Н. Крюков ; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2005. – 133 с. – Текст : непосредственный.
20. Колпакова, С. П. Духовные основы благотворительности московского купечества / С. П. Колпакова // Москва в истории России : учебное пособие / под ред. Б. В. Леванова. – М., 1997. – 127 с. – С. 102–107. – Текст : непосредственный.
21. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период 1839–1918) / С. Н. Ктиторов. – Армавир, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.
22. Левенстим, А. Профессиональное нищенство, его причины и форма / А. Левенстим. – Текст : непосредственный // Антология социальной работы : [В 5 т.] / сост. М. В. Фирсов. – Т. 2. – М. : Сварогъ : НВФ СПТ, 1995. – С. 35–41. – Текст : непосредственный.
23. Лексикон социальной работы : учеб. пособие для студентов и слушателей вузов и курсов системы доп. образования, обучающихся по направлению и специальности «соц. работа» / Вологод. гос. пед. ун-т, Вологод. гос. техн. ун-т, Курс. гос. ун-т [В. Д. Альперович и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – Вологда, 2005. – 538 с. – Текст : непосредственный.

24. Люлье, Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи / Л. Я. Люлье. – Киев, 1991. – 48 с. – Текст : непосредственный.
25. Мельников, В. П. История социальной работы в России / В. П. Мельников, Е. И. Холостова. – М. : Дашков и К, 2004. – 344 с. – Текст : непосредственный.
26. Монтескье, Шарль Луи де (1689–1755). О духе законов. Избранные произведения / Шарль Луи Монтескье; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. – М. : Мысль, 1999. – С. 12–264. – 672 с. – ISBN 5-244-00929-X. – Текст : непосредственный.
27. Мудрик, А. В. Введение в социальную педагогику / А. В. Мудрик ; Акад. пед. и соц. наук, Моск. психол.-соц. ин-т. – М. : Ин-т практ. психологии, 1997. – 368 с. – Текст : непосредственный.
28. Мудрик, А. В. Социальная педагогика : учебник для обучающихся по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование» / А. В. Мудрик. – 8-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2013. – 239 с. – Текст : непосредственный.
29. Наторп, П. Социальная педагогика : Теория воспитания воли на основе общности / Пауль Наторп ; пер. А. А. Громбаха с 3 доп. нем. изд. Санкт-Петербург : О. Богданова, 1911. – 360 с. – Текст : непосредственный.
30. Ногмов, Ш. Б. История адыгейского народа : сост. по преданиям кабардинцев / Ш. Б. Ногмов [Примеч. Б. А. Гарданова, Т. Х. Кумыкова]. – Нальчик : Эльбрус, 1994. – 231 с. – Текст : непосредственный.
31. Никитина, Л. Е. Развитие социальной педагогики в России : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук : 13.00.01 / Ин-т педагогики соц. работы РАО. – М., 2001. – 54 с. – Текст : непосредственный.
32. Обнинский, П. Н. Трудовая помощь как общественный корректив / П. Н. Обнинский. – Текст : непосредственный // Трудовая помощь. – 1898. – № 5. – С. 409–413.
33. Оспищева, Л. Е. Черкесские благотворительные общества Кубани / Л. Е. Оспищева. – Текст : непосредственный // Национальные традиции народов Адыгеи: генезис, сущность и проблемы воспитания : Материалы первой респ. науч.-практ. конф. (4–5 ноября 1993 г.). – Майкоп, 1994. – С. 114. – 543 с.
34. Отчет Ейского общества пособия бедным за 1904 год. – Ейск, 1911. – Текст : непосредственный.
35. Отчет о деятельности Общества взаимного вспоможения приказчиков и частного профессионального труда в городе Майкопе Кубанской области за 1904 год. – Текст : непосредственный.

36. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / В. Н. Ратушняк, А. М. Ждановский, И. И. Марченко [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар : Советская Кубань, 1996. – 654 с. – Текст : непосредственный.

37. Петербургское благотворительное общество. Отчет С.-Петербургского благотворительного общества. – Текст : непосредственный // Вестник благотворительности. – 1870. – № 1. – С. 1.

38. Писарев, Д. И. Мыслящий пролетариат. Избранные педагогические сочинения / Д. И. Писарев. – М., 1984. – С. 305–314. – Текст : непосредственный.

39. Писарев, Д. И. Реалисты / Д. И. Писарев. – М., 1984. – С. 278–291. – Текст : непосредственный.

40. Проблемы историографии и истории Кубани : сборник научных трудов. – Краснодар : КГУ, 1994. – 206 с. – Текст : непосредственный.

41. Ратушняк, В. Н. История Кубани с древнейших времен до конца XIX в. : учебник для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений и студентов средних специальных учебных заведений / В. Н. Ратушняк. – Краснодар : Образовательный издательско-полиграфический центр «Перспективы образования», 2000. – 232 с. – Текст : непосредственный.

42. Ромм, Т. А. Исторические очерки российской социальной работы : учебное пособие / Т. А. Ромм, М. В. Ромм, И. А. Скалабан ; М-во образования Рос. Федерации ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. – 133 с. – Текст : непосредственный.

43. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1987. – 527 с. – Текст : непосредственный.

44. Салтанов, Е. Н. Развитие идеи трудовой школы в отечественной педагогике в конце XIX – первой трети XX вв. : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Е. Н. Салтанов ; Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2002. – 20 с. – Текст : непосредственный.

45. Смирнова, Е. В. Социально-педагогические аспекты благотворительной деятельности в Ставропольской губернии конца XIX – начала XX вв. : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Смирнова, Елена Владимировна. – Ставрополь, 2002. – 172 с. – Текст : непосредственный.

46. Современная энциклопедия социальной работы / Ю. В. Алексеев [и др.], гл. науч. ред. В. И. Жуков ; Федеральное агентство по образованию ; Российский гос. социальный ун-т. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Изд-во РГСУ, 2008. – 406 с. – Текст : непосредственный.

47. Соколовский, М. К. Петербургские «просители» / М. К. Соколовский. – Текст : непосредственный // Вестник благотворительности. – 1902. – № 7–8. – С. 37–49.

48. Социальная защита в Краснодарском крае: итоги и задачи // Краевые новости. – 2000. 20.04. – С. 4–5. – Текст : непосредственный.

49. Социальная работа : учебное пособие для студентов вузов / В. И. Курбатов ; Изд.-торговая корпорация «Дашков и К». – М. : Дашков и К ; Ростов-на-Дону : Наука-Пресс, 2006. – 478 с. – Текст : непосредственный.

50. Словарь-справочник по социальной работе / под редакцией доктора исторических наук, профессора Е. И. Холостовой. – М. : Юрист, 1997. – 417 с. – Текст : непосредственный.

51. Спирина, В. И. Очерки истории социальной работы на Кубани : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. – Армавир : РИЦ АГПУ, 2007. – 160 с. – Текст : непосредственный.

52. Спирина, В. И. История социальной работы : учебно-методическое пособие / В. И. Спирина, М. Л. Спирина. – Армавир, 2019. – 173 с. – Текст : непосредственный.

53. Сушков, А. В. Социально-педагогическая деятельность В.И. Лунина в Армавире в конце XIX – начале XX вв. : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Сушков Андрей Валентинович ; [Место защиты: Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т]. – Ставрополь, 2012. – 21 с. – Текст : непосредственный.

54. Трехбратов, Б. А. История Кубани. с древнейших времен до начала XX века : учеб. пособие по краеведению / Б. А. Трехбратов. – Краснодар : Куб. кн. изд-во, 2005. – 437 с. – Текст : непосредственный.

55. Фирсов, М. В. Введение в профессию «Социальная работа» : учебное пособие по направлению подготовки «Социальная работа» / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова, И. В. Наместникова. – М. : КноРус, 2011. – 223 с. – Текст : непосредственный.

56. Фирсов, М. В. История социальной работы в России : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1999. – 256 с. – Текст : непосредственный.

57. Хан-Гирей Записки о Черкесии / Вступ. статья и подгот. текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. – Нальчик : Эльбрус, 1978. – 333 с. – Текст : непосредственный.

58. Холостова, Е. И. Генезис социальной работы в России : учебное пособие / Е. И. Холостова. – 3-е изд. – М. : Дашков и К, 2012. – 229 с. – Текст : непосредственный.

59. Черкашина, Л. Я. О доме ночного пребывания «Забота» / Л. Я. Черкашина. – Текст : непосредственный // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 71–76.

60. Черкашина, Л. Я. О системном подходе к оказанию социальной защиты населения г. Краснодара / Л. Я. Черкашина. – Текст : непосредственный // Российский журнал социальной работы. – 1996. – № 1. – С. 66–71.

61. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска / Ф. А. Щербина. – Т. 2. – Краснодар, 1997. – 236 с. – Текст : непосредственный.

62. Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 г. / Администрация Краснодарского края ; Б. А. Трехбратов. – Краснодар : Эдви, 1997. – 557 с. – Текст : непосредственный.

63. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://www.bibliotekar.ru/brokgauz-efron-u/45.htm> (дата обращения: 14.09.2021). – Текст : электронный.

Учебное издание

Спирина Валентина Ивановна
Спирина Мария Леонидовна
Сушков Андрей Валентинович

ИСТОКИ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НА КУБАНИ

Учебно-методическое пособие

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: М.В. Лазарева
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко
Подписано к печати 09.11.2021. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 5,18. Тираж 500 экз.
Заказ № 35/21.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net